

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

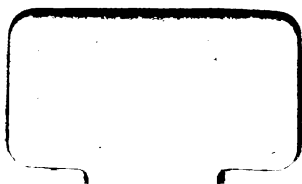
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

он

*67 Lib. ...
Paul*

Левъ Тихомировъ.

НАЧАЛА И КОНЦЫ.

„Либералы“
и
Террористы.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
1890.

Slav 1457.837.3

~~Slav 1457.837.3~~

Class of 1851 fund

Дозволено цензурой. Москва, 1 июня 1890 года.

Начала и Концы.

„Окончательный удѣлъ христіанскаго отрешагося отъ Христа общества есть бунтъ или революція.“

Ив. Аксаковъ. Рѣчь въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ 1881 года.

1.

Острыя послѣдствія ошибочнаго міросозерцанія проявляются только тогда, когда оно дозрѣло до своихъ логическихъ выводовъ. До этого момента оно проявляется въ формахъ по наружности безобидныхъ, никого не пугающихъ. Именно этимъ и опасенъ періодъ назрѣванія, тихаго, прикрытаго развитія. Оно не внушаетъ опасеній, не вызываетъ энергическаго противоудѣйствія со стороны своихъ противниковъ. Люди безразличные равнодушно смотрятъ, какъ ихъ дѣтямъ, или имъ самимъ привива-

ютъ постепенно точки зрѣнія, отъ которыхъ они бы со страхомъ отвернулись, еслибы могли понять концы этихъ началъ. Немногіе пронцательные умы безпощадно играютъ печальную роль Кассандры. Ихъ предостереженія выставляются бредомъ маіака, на который смѣшно было бы обращать вниманіе. Въ такой обстановкѣ эволюція торжествующей идеи идетъ все шире, все съ бѣльшимъ радіусомъ дѣйствія, развивая наконецъ силы, которыхъ уже ничто не можетъ сокрушить, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока зло, ставъ торжествующимъ, не съѣстъ само себя, похравъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возрастившую его страну.

Въ этомъ поступательномъ развитіи самое страшное то что съ каждымъ десятилѣтіемъ, съ каждымъ годомъ, все большее число людей *привыкаютъ* къ извѣстнымъ точкамъ зрѣнія и къ постепеннымъ выводамъ изъ нихъ. Сначала—кажется страшно и нелѣпо сказать: „Польша держится неустойчивомъ“; начинаютъ съ безобидныхъ вещей: „ну, ужъ такой порядокъ хуже безпорядка“, или „нельзя же изъ

порядка дѣлать себѣ кумира“, и т. п. Привыкнуши къ смазченной формулѣ, обостряютъ ее немного, потомъ еще и еще. Это дѣлается не съ какимъ-нибудь тонкимъ расчетомъ, не разумомъ, вдохновляемымъ злою волей, а именно отсутствіемъ разума. Очень немногіе, исключительно прозорливые умы способны заранѣе предусмотрѣть конечные выводы даннаго міросозерцанія. Но въ какую бы нелѣпую толпу ни была вложена извѣстная идея, она непремѣнно сама, шагъ за шагомъ, скажетъ постепенно свой выводъ. Разумъ способный предвидѣть его борется заранѣе, обличаетъ самую идею въ ложности. Безсмысліе, не предвѣщающее вывода, не борется, осваивается съ идеей, привыкаетъ къ ней какъ къ математической аксіомѣ, и потомъ, подходя наконецъ къ выводу, невольно уже и ему подчиняется, хотя бы съ отвращеніемъ, какъ чему-то неизбѣжному. Что, дескать, дѣлать? Можетъ-быть пріятнѣе было бы если бы земля насъ не притягивала, но это — законъ природы.

Вопросъ: „точно ли законъ приро-

ды? не есть ли вздоръ въ самомъ основаніи идеи приводящей къ нелѣпому или преступному?"—этотъ вопросъ можетъ легко представиться среднему, дюжинному уму, пока онъ не увѣровалъ въ свою идею какъ въ нечто абсолютно истинное. Но разъ онъ затвердилъ ее совершенно наизусть—дѣло кончено. Онъ слишкомъ слабъ чтобы не закончить своего логического круга до конца. Какія бы ни происходили бѣдствія, нелѣпости, онъ все будетъ болѣе склоненъ къ болѣе легкому, то-есть будетъ искать лѣварства не въ критикѣ основъ, а во все болѣе и болѣе логическомъ ихъ примѣненіи. Плохо дѣйствуетъ конституціонная монархія, онъ попробуетъ республику, уничтожить цензы, введетъ всенародное голосованіе законовъ, раздробитъ власть чуть не между всѣми деревнями, дойдетъ до *liberum veto*, попробуетъ идеи современныхъ анархистовъ, уже произнесшихъ послѣднее слово „самоуправленія“, въ видѣ *l'autonomie individuelle*,—словомъ, перепробуетъ всѣ выводы до по-

слѣднаго звена , и ужь развѣ оконча-
тельно ударившись лбомъ объ стѣну,
способенъ будетъ воскликнуть: „какой
же я однако былъ идиотъ, вѣдь идея-то
просто чужь; мудрено ли что изъ нея
ничего не выходитъ!“

Къ сожалѣнію, это наглядное обуче-
ніе стобитъ слишкомъ дорого. Въ немъ
ставится на карту самое существованіе
страны.

И потому-то выгодыѣ если созрѣ-
ваніе ложной идеи не затягивается
слишкомъ надолго. Выгодыѣ если она,
еще не охвативъ и не ослѣпивъ боль-
шихъ народныхъ слоевъ, показываетъ
на чемъ-нибудь маломъ свое приближи-
тельно послѣднее слово пока въ странѣ
еще находится достаточно свѣжихъ силъ
способныхъ воспользоваться указа-
ніемъ.

2.

Такое указаніе Россія пережила въ
семидесятихъ годахъ. За исключеніемъ
смутнаго времени, у насъ не было ис-
пытанія болѣе тяжелаго. Это не было
монгольское иго, вражеское нашествіе,

бѣдствіе виѣшняго происхожденія, но явленіе внутренняго, собственнаго нашего духовнаго разложенія, гдѣ

Находишь корень зла въ себѣ самомъ
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ.

Эта болѣзнь... къ смерти ли? къ большей ли славѣ Божіей? Вопросъ рѣшается нами самими, нашею способностью понять указаніе и съ нимъ сообразоваться. Если у насъ не хватитъ смысла даже на это, небо дѣйствительно нельзя обвинить ни въ чемъ. Какою-то странною ошибкой, непростительнымъ съ точки зрѣнія революціонера промахомъ, какою-то странною, необъяснимою съ правительственной точки зрѣнія поблжкой, „передовое“ „культурное движеніе“ въ немного гдѣтъ было ободрено настолько что изъ своихъ неприступныхъ позицій легальной дѣятельности вышло въ открытое поле. Умолчанія всякія „съ одной стороны нельзя не допустить, съ другой нельзя не сознаться“, „езоповскій языкъ“ и кинообразная либеральная логика, гдѣ не только простодушный обыватель, но и самъ

чортъ ногу сломить,—все это отброшено, выводы дѣлаются прямо, смѣло, человѣческимъ языкомъ, слово не расходится съ дѣломъ. Вихорь закрутился со всею силой какай доступна горсти охваченныхъ имъ жертвъ, и въ немного лѣтъ описываетъ полный логическій кругъ. Концы соединяются съ началами.

Зашумѣлъ, закрутилъ, раздавилъ что могъ, и стихъ, какъ будто спрашивая: „Нравится ли вамъ? Этого ли вы желаете? Или чего нибудь еще покрупнѣе? Въ такомъ случаѣ продолжайте, господа, а за мной дѣло не станеть. Только заготовляйте мнѣ побольше матеріалу.“

Стоимъ и мы, и спрашиваемъ себя: „этого ли хочетъ Россія?“ И на кого ей жаловаться, если она все-таки ничего не пойметъ, ничего не измѣнитъ? Въ концѣ концовъ, нація желающая существовать обязана имѣть нѣкоторое количество здраваго смысла. Еслибъ она не могла понимать даже самыхъ ясныхъ фактовъ совершающихся предъ ея глазами, развѣ справедливость не требуетъ чтобъ она очистила свое мѣсто въ исторіи для кого-нибудь болѣе способнаго?

3.

Оставляя будущее будущему, нельзя не сказать что въ настоящемъ и прошломъ самое вредное обстоятельство составляло и составляет не существованіе и проповѣдь чистыхъ революціонеровъ, а то что множество людей для себя и для другихъ выставляютъ чисто революціонную проповѣдь чѣмъ-то совершенно оторваннымъ отъ общаго міросозерцанія нашего образованнаго общества. Это дѣлается нѣкими—по дѣйствительному непониманію, другими—изъ желанія замаскировать свою собственную пропаганду, третьими—подъ вліяніемъ оскорбленнаго патріотическаго чувства, не способнаго переварить мысли о всей глубинѣ падевія политическаго смысла въ цѣломъ огромномъ словѣ. При всѣхъ бы то ни было побужденіяхъ,—это ошибка или ложь, которая выгодна лишь для людей, втихомолву продолжающихъ выработку революціонеровъ.

Правду, сколь бы ни была она печальна, выгоднѣе знать и ясно себя представлять.

4.

Положеніе семидесятихъ годовъ кто угодно и какъ угодно можетъ бранить, не я ему стану противорѣчить. Но всѣ эти порицанія еще въ сильнѣйшей степени будутъ падать на духовныхъ отцовъ, воспитателей, создавшихъ поколеніе семидесятихъ годовъ, заранѣе обречшихъ его на безплодіе и гибель. Это было истинно „поколеніе проклятое Богомъ“, какъ обмолвился одинъ поэтъ его. Собственно говоря, оно было до такой степени подготовлено что чисто революціонной пропагандѣ въ немъ почти нечего было дѣлать. Потому то они и шли такъ легко. Не было бездарности не способной ее вести, а мало-мальски способный человекъ торжествовалъ безусловно повсюду куда ни являлся.

Въ 1873 — 74 году по всей Россіи разыскивали нѣкоего Дмитрія Рогачева. У слѣдователей онъ приобрѣлъ репутацію знаменитости, и дѣйствительно — многихъ онъ привелъ на путь революціи. Я, помню, былъ крайне удивленъ услышавъ объ этихъ подвигахъ: Рoga-

чева я прекрасно зналъ. Это было добродушнѣйшее существо, силачь, богатырь сложеніемъ, но столь, какъ говорится, простъ, столь несвѣдущъ что кружокъ Чайковцевъ, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ къ Рогачеву, никакъ не рѣшился принять его въ число членовъ. Кого и въ чемъ могъ онъ убѣдить? Въ послѣдствіи, уже арестованный, онъ началъ писать свои воспоминанія и усердно потѣлъ надъ ними. Кое-кто изъ адвокатовъ, имѣвшихъ случай видѣть это произведеніе „знаменитаго пропагандиста“, на процессѣ 193хъ удостоившагося мѣста среди пяти „наиболѣе отличныхъ“, были до жалости разочарованы. Дѣйствительно, трудно себя представить что-нибудь болѣе, — не говорю уже литератуно-бездарное, — но пустое, безъ одной искры содержанія. Этотъ человекъ, исколесившій полъ-Россіи, побывавшій въ разнообразныхъ кружкахъ интеллигенціи, въ рабочихъ артеляхъ, среди бурлаковъ, септантовъ и т. д., даже ничего не замѣтилъ, не запомнилъ, какъ будто онъ всѣ эти два три года оставался зарытымъ въ землю.

И онъ-то десятками „совращалъ“ молодежь! Понятно что въ дѣйствительности онъ никого и ничего не совращалъ. Онъ бралъ *ютовое*. Онъ былъ ходячее знамя, около котораго сами собирались.

Нѣкто, какъ видно по разказу, бывший морской офицеръ разказываетъ въ старомъ эмигрантскомъ журналѣ (*Вѣстникъ Народной Воли*, т. V, стр. 64),—и притомъ очень не дурно,—сцену своего „совращенія“. Известный Сухановъ (государственный преступникъ, въ послѣдствіи казненный) устроилъ у себя политическую конференцію. Ораторствовалъ не менѣе известный Желябовъ. Онъ вполнѣ, не стѣсняясь, изложилъ свои планы. „При первыхъ словахъ „мы — террористы - революціонеры“, разказываетъ очевидецъ, всѣ какъ бы вздрогнули и съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Беззаботная, довольно веселая компанія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожею на группу заговорщиковъ. Лица поблѣдѣли, глаза разгорались. Когда онъ кончилъ, начались

оживленные разговоры, строились всевозможные планы самого террористическаго характера. Еслибы въ это время вошелъ посторонній человѣкъ, онъ подумалъ бы что попалъ на сходку рьяныхъ террористовъ. Онъ, восклицаетъ авторъ, не повѣрилъ бы что *за часъ до этого всѣ эти люди частію не думали о политикѣ, частію относились даже съ порицаніемъ къ террористамъ.*"

Что означаетъ эта сцена? Пересоздалъ ли ораторъ этихъ людей за 1/2 часа? Такой вздоръ стыдно даже подумать. Авторъ воспоминаній самъ прекрасно объясняетъ какъ онъ съ товарищами „не думали о политикѣ“ или „относились съ порицаніемъ“. Дѣло очень просто. „*Искренне ненавидя и т. д.*“,—говоритъ онъ,—„мы не вѣрили въ возможность скорого переворота въ Россіи; наши желанія дѣятельности сводились къ стремленію работать въ земствѣ. Мы мечтали, выйдя въ отставку, попасть въ земство и посредствомъ него вести борьбу съ правительствомъ. Въ силу революціонной партіи мы не вѣрили“ (стр. 61).

Такъ вотъ какихъ „благонамѣренныхъ“ людей совратилъ пропагандистъ. Они не вѣрили въ силу, и потому собирались стать бланконамѣренными поставателями оппозиціонныхъ адресовъ. Нашелся ловкій человекъ, одурманившій на минуту, показавшій товаръ лицомъ, и наши „благонамѣренные“ начинаютъ строить планы „самаго террористическаго характера“. Положа руку на сердце—много ли сдѣлалъ пропагандистъ? Въ немъ ли суть, или въ томъ и тѣхъ кто воспиталъ эту молодежь въ такомъ духѣ что она немедленно рѣшилась применить къ революціонному дѣйствию, какъ только повѣрили, хотя бы и ошибочно, въ его возможность?..

И еще къ какому дѣйствию! Въ какихъ его формахъ и проявленіяхъ!

5.

Мое дѣтство не предсказывало, повидимому, никакихъ „революцій“. У насъ въ семьѣ вѣрили въ Бога, не тѣмъ упрощеннымъ лютеранскимъ способомъ, который я часто вижу теперь, а по-на-

стоящему, православному. Для насъ существовали и церковь, и таинства. Помню до сихъ поръ то чувство съ которымъ я молился во время Херувимской, увѣренный что въ такую минуту Господь менѣ всего захочетъ отказать моей дѣтской мольбѣ. Я очень любилъ Россію. За что—не знаю, но я гордился ея громадой, я считалъ ее первую страной на свѣтѣ. Смутно, но тепло ощущалъ я идеалъ всемогущаго Царя, повелителя всего и всѣхъ... Тѣмъ меня сдавали дѣтскіе годы на руины общественнымъ вліяніямъ.

Нужно ли разказывать какъ быстро все это рухнуло?

„Духъ времени“, впрочемъ, невольно прокрадывался и въ первоначальное воспитаніе, не въ видѣ того чему учили, а въ томъ какъ учили. Въ школѣ, нечего и говорить, онъ уже царилъ въ то время (1864—70) безраздѣльно.

Въ какую-то реакцію старинному „не разсуждать—повиноваться“, насъ всѣхъ вели по правду: „не повиноваться, а разсуждать“. Наши воспитатели рѣшительно не понимали что первое каче-

ство дѣйствительно развитаго разума есть пониманіе предѣловъ своей силы и что насколько разсужденіе обязательно въ этихъ предѣлахъ, настолько оно даже неприлично для умнаго человѣка въ ихъ, гдѣ именно разумъ и заставляетъ просто „повиноваться“, искренно, сознательно подчиняться авторитету.

Въ наше время не понимали что разсужденіе безразсудное, не соображенное со своими личными или вообще человѣческими силами, приводитъ необходимо къ сумбуру, и даже ничуть не избавляетъ отъ подчиненія авторитетамъ; только это подчиненіе уже безсознательное, подчиненіе не тому что мы разумно сознали вышшимъ себя, а тому что намъ умѣетъ польстить, эксплуатировать наши слабыя стороны.

Съ малодѣтства намъ все объясняли, доказывали, приучали къ вѣрѣ что истинно лишь то что намъ понятно. Это было выращиваніе не самостоятельнаго ума, а своевольнаго. Я, помню, десяти лѣтъ читалъ *Миръ до сотворенія человека*,—и съ какимъ трепетомъ! Какъ

боялся я чтобъ авторъ не разрушилъ моей святыни! Но маѣ и въ голову не приходило чтобъ я не могъ братья за рѣшеніе вопроса кто правъ: Моисей или Циммерманъ. Постарше, я уже прямо говорилъ себѣ: „пусть я ошибаюсь, но я разсудилъ *самъ*, и не моя вина если я не могъ разсудить лучше!“ Маѣ и въ голову не приходило что еслибъ я дѣйствительно доходилъ до всего *самъ*, то весь вѣкъ остался бы дикаремъ. Это горделивое „разсудилъ самъ“ означало просто-на-просто: взялъ у людей же, но только наиболее слабое, простое, легче всего усвояемое. А еслибы брагъ не „самъ“, а по рекомендаціи великихъ историческихъ авторитетовъ, то взялъ бы самое сильное, дѣйствительно вѣрное, но именно поэтому трудно усвояемое, до чего „самъ“ не дойдешь если не проживешь 1.000 лѣтъ.

При этомъ преувеличенномъ довѣрїи къ правамъ своего ума, мы менѣе чѣмъ какое другое поколѣніе могли имъ дѣйствительно пользоваться, такъ какъ умъ наше работать крайне подрывалось отсутствїемъ дисциплины ума. Самое

понятіе о дисциплинѣ ума совершенно ступевалось въ школъ моего времени (1864—1870). Наши худшіе учителя были еще, можетъ-быть, менѣе вредны. Они учили по крайней мѣрѣ свучно, бессознательно, заставляя насъ дѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе. Хорошіе учителя были насъ сквозь проникнуты манерой *заинтересовывать*. Мы учились у нихъ не тому что нужно и не по тому что это нужно, а тому что интересно, что *само* насъ захватывало. Мы были не господами, а рабами предмета. Мы учились не устремлять вниманіе преднамѣренно, а только отдаваться впечатлѣнію. Это была полная потеря мужественной самостоятельности ума, умѣнья и навлонности *братъ предметъ съ бою*; и при такой разслабленности, женственности, склонности поддаваться интересу, то-есть тому что легче затрогиваетъ фантазію, при этомъ—за грѣхи родителей—глубочайшая вѣра въ свой умъ и въ истину того что онъ якобы намъ указываетъ! Достаточно одной такой закладки (правильнѣе: раскладки) ума

чтобъ осудить поколѣніе на бесплодіе.

Это воспитаніе вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно отрывало насъ отъ старой исторической культуры, съ Божіею помощью и усиліями миллиардовъ людей развивавшейся на землѣ съ сотворенія міра. Эта культура полна авторитетами, нерѣдко непостижимыми. Примкнуть къ ней можно или съ полною наивностью, или съ очень хорошею дрессировкой ума, выработаннаго въ силу зрѣлую, умѣющую и господствовать, и повиноваться. Дѣтская наивность у насъ исчезла, но на ея мѣсто явилось разсужденіе своевольное и дряблое. Старая культура становилась для насъ съ этого момента недоступною.

Мы бы искали новаго, болѣе легкаго, болѣе по плечу себѣ, но нечего было и искать. Оно окружало насъ со всѣхъ сторонъ. Вѣдь оно же насъ и создало. Достаточно было плыть по теченію.

6.

Все что я слыхалъ юношей систе-
матически подрывало мои дѣтскія вѣро-
ванія. Я видѣлъ вокругъ себя исполне-
нiе религіозныхъ обрядовъ, но—или не
искреннее, или стыдящееся само себя.
Образованный человѣкъ или не вѣрилъ,
или вѣрилъ находясь въ противорѣчiи съ
собственными убѣжденіями. Чего толь-
ко юношей, мальчикомъ, не приходилось
слыхать или читать о религіи!

Книги говорили не о православiи.
Говорилось о суевѣрiяхъ католицизма,
о непослѣдовательности протестантизма,
объ изувѣрствѣ клерикаловъ, даже съ
прибавленіемъ что все это не относит-
ся къ православію. Насмѣшливая ого-
ворка была слишкомъ ясна, тѣмъ болѣе
что матеріализмъ проповѣдывался от-
крыто. Но если нѣтъ Бога, если Хри-
стосъ человѣкъ, то, конечно, не трудно
разсудить что такое православіе.

Я очень рано началъ читать Писа-
рева,—и гдѣ же? Мой дядя былъ очень
умный и образованный человѣкъ, боль-

шой почитатель *Московских Вѣдомостей* и, по тогдашнему масштабу, консерваторъ. Затѣмъ такой человѣкъ выписывалъ *Русское Слово* и оставлялъ его на этажеркѣ? Почему позволялъ онъ мнѣ сидѣть часы уткнувши носъ въ эти книги? Онъ, конечно, не сумѣлъ бы отвѣтить и самъ. Какъ бы то ни было, Писаревъ скоро сталъ моимъ любимымъ учителемъ. Съ его наставленіями дѣло у меня пошло на всѣхъ парахъ. Лѣтъ пятнадцать я вѣрилъ во всевозможныя „произвольныя зарожденія“, Пуже, Жюли, Мюсси и т. п., столь же твердо, какъ въ шарообразіе земли, или въ невѣжество Пастёра, пустоту Пушкина и „мракобѣсіе“ славянофиловъ.

Я не изъ тѣхъ которые цѣнятъ религію по ея пользѣ государственной и вообще по социальному значенію. Но такой первостепенный факторъ, какъ религія, не можетъ не имѣть, между прочимъ, и огромнаго социальнаго значенія. Вытравленіе изъ насъ понятія о Богѣ, о вѣчныхъ цѣляхъ жизни, объ эпизодичности собственно земной жизни нашей,—оставляло въ душѣ огромную пу-

стоту, повелительно требовавшую на-
полненія, тѣмъ болѣе что, при всей
изуродованности, мы все-таки были Рус-
скіе. Потребность сознанія своей связи
съ нѣкоторою вѣчною жизнью, разви-
вающейся какой-то безсмертный идеалъ
правды—непрѣменно должна была быть
удовлетворена. И вотъ, въ видѣ сурро-
гата, является вѣра въ человѣчество,
въ социальныя формы, въ социальный
прогрессъ и будущій земной рай мате-
риализма. Это была *вѣра*, а не убѣжденіе,
вѣра, хотя и перенесенная въ область
сравнительно ничтожную, недостойную,
вѣра приниженная до нашего умственна-
го состоянія. Мы относились къ обще-
ственнымъ формамъ не какъ къ дѣлу жа-
тейскому, а какъ къ религіозному; мы
прилагали къ нимъ тѣ стремленія которыя
подсказывались духовною природою на-
шею, стремленія къ *всечеловѣческому* и
свободному. Переносъ религію въ мате-
риальную область политики, мы не хо-
тели въ ней признавать никакихъ за-
коновъ матеріальнаго міра, никакихъ
путъ органическаго, а стало-быть и
національнаго развитія, никакихъ неиз-

бѣжныхъ стѣсненій общественныхъ формъ, и въ результатѣ неизбежно становились отрицателями и революціонерами.

В. Соловьевъ упрекалъ Данилевскаго будто бы его націонализмъ и ученіе объ историческихъ типахъ противны христіанскому чувству. Напротивъ, Данилевскій, именно какъ глубокой христіанинъ, не могъ впасть въ ошибку неизбежную для социологовъ не-христіанъ или полу-христіанъ. Онъ ясно чувствовалъ что въ жизни нашей есть отъ міра сего и что—не отъ міра сего. Для него абсолютное, вѣчное и свободное не исчезало въ чловѣкѣ при мысли о необходимости и условности его земнаго существованія въ мірѣ матеріальномъ, біологическомъ и социальномъ, гдѣ есть и раса, и національность и ихъ роковое органическое развитіе. А потому Данилевскій и могъ думать о необходимыхъ, не свободныхъ законахъ социологіи и подчиненіи имъ чловѣка, совершенно объективно, не тревожимый въ своемъ анализѣ лишними вторженіями изъ области чисто духовной.

Одинъ очень умный анархистъ прекрасно характеризовалъ мнѣ разницу своихъ воззрѣній отъ воззрѣній христіанскихъ. Въ мірѣ, говорилъ онъ, назрѣваетъ новая *религія*. Наши ученые воображаютъ будто они работаютъ на разумъ. Точно также древніе ученые не знали что расчищаютъ только почву для новой религіи. Христіанство разбиваетъ человѣка на двѣ половины— на духъ и тѣло. Наука показываетъ что человѣкъ единъ и цѣлостенъ. Христіанство унижаетъ тѣло, заставляетъ бороться съ плотью. Мы реабилитируемъ тѣло. Духъ—это оно и есть. Тѣло свято, въ немъ нѣтъ дурныхъ побужденій. Подчинитесь ему, а не боритесь, дайте свободно проявляться всѣмъ его стремленіямъ, и они сольются въ братской гармоніи желаній всего человѣчества.

Гоня природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Забыли Бога, и создали себѣ кумира изъ своей плоти!

Вотъ собственно почему я нѣсколько разъ подчеркиваю анти-христіанство нашего новаго міросозерцанія. Оно со-

здало въ насъ новую религію. Это до такой степени вѣрно что одна вѣточка движенія 70хъ годовъ даже прямо создала секту, такъ-называемое тогда *богочеловѣчество*. Виднымъ дѣятелемъ ея, вмѣстѣ съ когда-то извѣстнымъ Маликовымъ, былъ и Чайковскій, тотъ самый котораго кружокъ поставилъ вожакомъ чуть ли не во всѣ фракціи революціи послѣдующихъ годовъ. Правда, *богочеловѣчество* поставило своимъ принципомъ *несопротивленіе злу* и тѣмъ рѣзко отклонилось отъ насильственныхъ революціонеровъ. Но это — различіе имѣющее значеніе только для полиціи и прокуратуры, а не для того кто разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія христіанской культуры и русскаго національнаго типа. Обожествленіе чловека, перенесеніе религіи въ область соціальную, было, въ той или иной формѣ, совершенно неизбѣжно по вытравленіи изъ насъ христіанской концепціи міра. А разъ перенеся абсолютное религіозное начало въ область соціальную, мы должны были отрицательно отнестись ко всему условному, то-есть

но всему историческому, національному, но всему что составляет действительный социальный миръ.

Этотъ действительный миръ заранее осуждался для насъ на гибель, въ той или иной формѣ, тѣми или иными средствами, осуждался въ тотъ моментъ когда мы еще только теряли личного Бога-Промыслителя, еще сами не зная послѣдствій этой потери.

7.

Явленіе, о которомъ я говорю, принадлежитъ не одной Россіи и даже, можетъ-быть, зародилось не въ ней. Но несмотря на всю денационализацию нашего образованнаго слоя, онъ все-таки кое-что сохранилъ изъ русскихъ свойствъ и, между прочимъ, эту характеристическую русскую религіозную жажду. Вѣсть съ тѣмъ, онъ изъ всѣхъ образованныхъ классовъ Европы отличается, безъ сомнѣнія, самою плохою выработкой ума. Поэтому онъ далъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ явленіе *соціальной религіозности*. Покойный графъ Д. А.

Толстой очень мѣтко сравнивалъ нашихъ революціонеровъ, „противящихся“ или „непротивящихся“, именно со средневѣковыми конвульсивными сектантами. Луи Бланъ, размышляя о своей первой революціи, тоже чувалъ какое-то сходство, искалъ какихъ-то корней ея въ сектанствѣ Среднихъ Вѣковъ, хотя вопросъ такъ и остался для него темнымъ. На самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ надобности въ какой-либо *исторической* связи, и наша исторія образованнаго класса прекрасно это доказываетъ.

Перенесеніе религиозныхъ понятій въ область матеріальныхъ социальныхъ отношеній приводитъ къ революціи вѣчной, безконечной, потому что *всякое* общество, какъ бы его ни передѣлывать, будетъ столь же мало представлять абсолютное начало, какъ и общества современныя или прошлыхъ вѣковъ. Поэтому-то передовые революціонеры Запада стали именно анархистами, и при этомъ достойно вниманія что именно русское общество, столь бѣдное умственными силами во всѣхъ другихъ

отношеніяхъ, дало Европѣ двухъ ея величайшихъ теоретиковъ анархизма—Бакунина и Крапоткина. Наши идеалисты сороковыхъ годовъ—всѣ болѣе или менѣе анархисты, большею частью сами того не сознавая. Еслибы Салтыковъ (Щедринъ) умѣлъ сдѣлать выводы изъ своего безконечно отрицательнаго міросозерцанія, онъ могъ бы подать руку не Лаврову, не социаль-демократамъ (они всѣ для него слишкомъ мало революціонны), а только анархисту Крапоткину. Всякій сколько-нибудь наблюдавшій европейскія страны знаетъ очень хорошо что наши либеральныя ходячія понятія о свободѣ, по своей преувеличенности, именно подходятъ къ понятіямъ европейскихъ анархистовъ, а не либераловъ.

Космополитизмъ нашего образованнаго класса долженъ былъ выродиться въ нечто еще худшее. Анархистъ французскій или нѣмецкій ненавидитъ *вообще* современное общество, а не спеціально свое нѣмецкое или французское. Нашъ космополитъ въ сущности даже не космополитъ, для него сердца не всѣ

страны одинаковы, а всѣ пріятіе нежели отечество. Духовное отечество для него—Франція или Англія, вообще „Европа“; по отношенію къ нимъ онъ не космополитъ, а самый пристрастный патріотъ. Въ Россіи же все такъ противно его идеаламъ что и мысль о ней возбуждаетъ въ немъ тоскливое чувство. Нашъ „передовой“ образованный человѣкъ способенъ любить только „Россію будущаго“, гдѣ отъ русскаго не осталось и слѣда.

Особенно часто истинно-враждебное чувство въ Великороссіи. Это естественно, потому что въ концѣ-концовъ только гениемъ Великороссіи создана Россія дѣйствительная. Не будь Великороссіи, особенно Москвы, всѣ наши окраинныя русскія области представляли бы ту же картину обезличенной раздробленности какъ весь остальной славянскій міръ. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ одна великорусская раса обладаетъ великими государственными инстинктами. Поэтому она возбуждала особенную ненависть въ томъ кому противно въ обществѣ все историческое, органическое,

не случайное, не произвольное, а необходимое. Потому и популярны у насъ историки какъ Костомаровъ, потратившій столько силъ для развѣчанія всей патріотической святыни Великой Россіи, уничтожавшій Сусаниныхъ и, въ своей исторіи смутнаго времени, до того ничего не появившій что въ концѣ концовъ объявилъ эту эпоху скорѣе принадлежащею къ Польской исторіи нежели къ Русской.

Въ тому времени когда мое поколѣніе сдавалось на руины обществу, у насъ уже была создана цѣлая либеральная культура, отрицательная, по преимуществу анти-русскія стремленія которой дошли въ шестидесятыхъ годахъ до апогея. Это было время когда молодой блестящій подполковникъ генеральнаго штаба (Соколовъ, въ послѣдствіи эмигрантъ) предъ судомъ публично, горделиво заявилъ „я нигилистъ и отщепенецъ“. Военная молодежь шла въ польскія банды чтобъ убивать своихъ соотечественниковъ для дѣла возстановленія Польши, какъ будто выбирая девизомъ: „гдѣ бунтъ—тамъ отече-

ство". Русская либеральная печать одобрила это безобразіе, и М. Н. Катковъ, со всею страстью русскаго чувства выступившій противъ измѣнческаго опьяненія, съ тѣхъ поръ навсегда остался для либеральной души „измѣнникомъ“ и врагомъ.

Россія моихъ дѣтскихъ грезъ была живо развѣнчана. Она оказалась „при свѣтѣ науки“ только бѣдною, невѣжественною, отсталюю страной, вся заслуга которой сводилась къ стремленію уподобиться „Европѣ“. Другія оцѣнки были, но гдѣ ихъ искать? Въ литературѣ действительно распространенной, въ самой школьной наукѣ, царствовали либеральныя точки зрѣнія. Нужно было особенное счастье и совершенно исключительное положеніе чтобы не попасть подъ ихъ вліяніе, со всѣхъ сторонъ гнавшее насъ къ революціи.

8.

Многіе этого не могутъ понять. Что общаго между смиреннымъ либераломъ и революціонными крайностями? Такъ.

смотрятъ люди думающіе только о *программѣ* либераловъ. Само собою, революціонныя крайности вытекаютъ не изъ положительныхъ требованій либераловъ, сами революціонеры надъ ними смѣются, какъ надъ глупостью и непоследовательностью. Революціонныя крайности вытекаютъ изъ *общаго міросозерцанія*, которое въ одну сторону создаетъ недодуманныя до конца, половничатыя, а иногда іезуитскія либеральныя требованія, въ другую же—вполнѣ логично и последовательно стремленія революціонныя. Наши „передовые“ создаютъ революціонеровъ не своими ничтожными либеральными программами, а пропагандой своего общаго міросозерцанія. Еслибъ они отказались отъ этого общаго міросозерцанія, то подорвали бы одновременно и свои либеральныя стремленія, которыя имъ самимъ тутъ показались бы смѣшными, и революціонныя стремленія, которыя тутъ въ первый разъ предстали бы предъ нами не какъ *крайность*, а какъ *безуміе*. До тѣхъ же поръ пока „передо-

вые" остаются при своемъ міросозерцаніи, они непремѣнно будутъ создавать революціонеровъ. Желая того или не желая, они будутъ вырабатывать молодежь въ наиболѣе пригодномъ для революціи духѣ и даже подсказывать ей способы дѣйствія—своею ложною характеристикой всего окружающаго.

9.

О литературныхъ вліяніяхъ шестидесятихъ годовъ нѣтъ надобности распространяться. Они извѣстны всѣмъ по наслышкѣ, и современная публика даже преувеличиваетъ ихъ отрицательность, то-есть въ томъ смыслѣ будто бы тогдашніе либералы, радикалы и т. п. были отрицательнѣе современныхъ. Я этого не нахожу; но въ настоящее время рядомъ съ либеральными отрицателями стоятъ уже многочисленныя націоналисты, голосъ коихъ почти столь же хорошо слышенъ. Въ тѣ же времена гудѣлъ только либеральный хоръ, заглушая остальные голоса. Поэтому вліяніе его было сильнѣе.

Наши теоретическія представленія, данныя тогдашнею „наукой“, не только безчисленными популярными статьями по естествознанію, исторіи и т. п., но и самою школьною наукой, ставили насъ уже въ достаточно отрицательное отношеніе къ соціальному строю Россіи, особенно къ ея образу правленія и т. п. Одѣнна литературой и обществомъ текущей русской дѣйствительности довершала дѣло. Я пережилъ мальчигомъ и юношей эпоху реформъ, которыя теперь превозносятся либералами. Но въ то время я рѣшительно не слыхалъ объ этихъ самыхъ реформахъ добраго слова. Тогда оказывалось что все дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ. За что ни берется правительство, все только портить. Въмѣсто того чтобъ окружить добраго Государя, столь заботящагося о желаніяхъ общества, окружить его любовью, попеченіемъ, сіяніемъ мудрости, въ тѣ времена либералы только жаловались и давали дѣлу такой видъ будто правительство „дѣлаетъ уступки“, да „недостаточныя“. Либералы дѣйстви-

тельно только „либеральныя“, не имѣющіе въ глубинѣ души анархической подкладки, никогда бы не позволили себѣ такого глупаго поведенія, совершенно несообразнаго съ ихъ партійными интересами. Вмѣсто того чтобы поддерживать выгодное для нихъ правительство, вмѣсто того чтобы и намъ внушать что только одно либеральное правительство можетъ хорошо вести дѣло,— либеральная верхотня только готовила враговъ правительства, и намъ, молодежи, невольно внушала мысль что правительство, какое бы то ни было, хотя бы и самое либеральное, все-таки ничего не умѣетъ сдѣлать. Съ ранней молодости я только и слышалъ что Россія разорена, находится наканунѣ банкротства, что въ ней нѣтъ ничего кромѣ произвола, беспорядка и хищеній; это говорилось до того единодушно и единогласно что только побывавши за границей, сравнивши наши монархическіе порядки съ республиканскими, я могъ, наконецъ, понять всю вздорность этихъ утвержденій. Но тогда, ничего еще не

зная, при молодой неопытности, право невозможно было не повѣрить.

Но не всѣ же въ Россіи были либералами? Конечно. Было, слава Богу, много людей „старой культуры“, и не изъ нихъ - нибудь своекорыстныхъ „вѣрнопостниковъ“. Помню людей очень развитыхъ, гуманныхъ. Таковъ былъ, недалеко ходить, покойный отецъ мой. Но время было какое-то странное. Дѣлались улучшения. Но именно сердца *этихъ* людей, которые могли бы быть лучшею нравственною опорой правительства, улучшения не затрогивали. Отецъ мой былъ вполнѣ монархистъ, и во мнѣ заложилъ зародыши монархическихъ симпатій, но чѣмъ? Своими разказами о „Николаевскихъ временахъ“. Тамъ велико было во мнѣ впечатлѣніе *этихъ* теплыхъ разказовъ о суровомъ величавомъ времени, умѣвшемъ высоко держать свое знамя, что я никогда уже не могъ разлюбить *личность* императора Николая, даже во времена наибольшаго отрицанія *системы*. Почему же отецъ не находилъ этого теплаго чувства для защиты новаго, „улучшенна-

го" времени? Крѣпостныхъ онъ не имѣлъ, да и не захотѣлъ бы имѣть. Улучшеніямъ вообще радовался, ничего даже прямо не порицалъ. Но, видно, новое время чѣмъ-то не совпадало съ его русскимъ православнымъ чувствомъ. Онъ оставался холоденъ. Такъ и другіе. Они не были теоретики, но просто чувствовали что новое время, со всѣми своими улучшениями, стремится куда-то въ ненадлежащее мѣсто. Благодаря этой особенности эпохи, она такимъ образомъ не получала защиты и поддержки даже отъ людей совершенно безкорыстно, безъ условій, преданныхъ правительству и своею нравственною чистотой способныхъ сильно вліять на молодежь... Повторяю, то было несчастное, обреченное поколѣніе, какъ будто нарочно какою-то таинственною силой систематически отрѣзываемое ото всего что могло бы спасти его отъ гибели.

10.

При крайне упрощенномъ міросозерцаніи, при облегченной работѣ, наше развитіе не брало много времени. Въ 18—19 лѣтъ оно бывало закончено. Очень самоувѣренныя, набитые иногда значительнымъ количествомъ тамъ-сямъ нахватанныхъ „знаній“, мы собственно оставались весьма неразвиты и невѣжественны. Ни одного факта мы не знали въ его дѣйствительной полнотѣ и разносторонности. Многообразныя точки зрѣнія, съ которыхъ учителя челоувѣчества пытались такъ и сякъ освѣтить жизнь, были извѣстны намъ развѣ по названіямъ, въ перевернутомъ видѣ. Міръ, безъ перспективы, безъ оттѣнковъ, распадался предъ нами на двѣ ясно очерченныя области. Съ одной стороны—суевѣріе, врагъ, деспотизмъ, бѣдствія, съ другой—наука, разумъ, свѣтъ, свобода и земной рай. Въ этомъ умственномъ состояніи большинство и застыло, вѣроятно—навсегда.

Но міръ дѣйствительный именно не

заключаетъ въ себѣ ничего абсолютнаго, ни свѣта, ни мрака; онъ весь состоитъ изъ оттѣнковъ, степеней. Абсолютное есть достояніе совсѣмъ другаго міра. Перенеся это религіозное представленіе въ міръ условностей, мы очутились въ полномъ противорѣчій съ дѣйствительностью.

Пока мы находились еще въ періодѣ ломки, противорѣчіе не ощущалось слишкомъ угнетающимъ образомъ. Душа имѣла занятіе, ее поглощавшее. Можно было еще походить на „молодежь“, оставаться бодрымъ. Съ завершеніемъ ломки наступалъ періодъ жестокой тоски и внутренней пустоты.

Того что сознавалось какъ правда и разумъ—въ дѣйствительной жизни не оказывалось; то же что въ ней было—казалось зломъ и безсмыслицей. Положеніе само по себѣ очень тяжелое. Оно приводило къ одному изъ двухъ: или жить безо всякаго нравственнаго содержанія, съ сознаниемъ что твоя жизнь нисколько не служитъ добру и правдѣ, или же приходилось объявить войну всему существующему. Рѣшеніе не лег-

кое. Но наше положеніе было еще хуже. Когда мы рѣшались „объявить войну“, то оказывалось что мы не чувствовали хорошенько чему именно и кому объявляешь ее.

Дѣйствительно: что и кого именно уничтожать? Съ чѣмъ въ частности бороться, съ какими фактами, какими личностями? Это было бы легко увидѣть еслибы міръ былъ дѣйствительно таковъ какимъ мы его воображали. Еслибы съ одной стороны стоялъ злодѣй эксплуататоръ, безсердечный, безнравственный, а съ другой стороны пожираемый имъ добродѣтельный пролетарій, — не трудно бы понять куда брестись. Но первыя юношескія столкновенія съ жизнью показывали нѣчто иное. Первый же дѣлецъ съ которымъ я познакомился, у котораго были такія милыя барышни-дочери, у котораго мы такъ весело танцевали подъ «ортеніано», никакъ не вкладывался въ опредѣленія злодѣя. Онъ былъ даже очень гуманный человѣкъ, я слыхалъ что онъ многимъ помогалъ. Первый пролетарій, котораго я узналъ, очень трудно поддавался подъ

опредѣленіе „жертвы общества“. Это былъ дряннѣйшій пройдоца, угрозами скандала вымогавшій подачки. Общество само было его жертвой. Видѣлъ я крестьянъ и никакъ не узнавалъ въ нихъ своего страдающаго и угнетеннаго „народа“. Видѣлъ администратора, священника, монаха, и не улавливалъ въ нихъ своего теоретическаго „зла“. Въ послѣдствіи, уже ведя пропаганду, мы постоянно находили рабочихъ уже „испорченными“, находили въ нихъ „буржуазныя наклонности“, „собственничество“, „стремленіе къ роскоши“, и для отысканія настоящаго страдающаго народа постоянно приходилось идти куда нибудь дальше, въ другое мѣсто.

Въ жизни было, въ сущности, гораздо больше зла, страданія, угнетенія нежели мы со своимъ упрощеннымъ міросозерцаніемъ могли бы представить. Но только это было *не то зло*, и добро было—*да не то*. Наши понятія были столь чужды реальности что съ ними нельзя было видѣть ни добра, ни зла. Нужно бороться, а съ чѣмъ именно—на это мѣрки не было. Чего желать въ

отдаленномъ будущемъ (тоже, конечно, фантастическомъ) мы прекрасно знали. Но чего желать, къ чему стремиться сейчасъ, въ настоящемъ — оставалось темно.

Теорія не то что сталкивалась съ действительностью, а просто не задѣвала ее ни хорошо, ни худо, проскальзывала сивозъ нее какъ привидѣніе. Полюбіе съ лучшею выработкой ума немедленно заподозрило бы свои идеи въ полной вздорности и взялось бы за коренной пересмотръ всего своего умственного достоянія. У насъ не могло быть и рѣчи, и помышленія о такомъ напряженіи. Мы только чувствовали что стоимъ предъ какою-то тьмой. Чего желать? Къ чему готовиться? Это были именно „сумерки души“, когда „предметъ желаній мраченъ“...

Я къ состоянію этому привыкъ,
Но како бы выразить его не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

У насъ въ университетѣ было много случаевъ самоубійствъ. Ныче ихъ любить объяснять „переутомленіями“, да латинскимъ языкомъ. Не знаю какъ те-

перь, но тогда это происходило отъ душевной пустоты, незнанія зачѣмъ жить. Мнѣ это очень хорошо извѣстно, я самъ себя боялся въ острыя мгновенія „сумерковъ души“. Это невыносимое состояніе приводило къ полному нервному разстройству, къ готовности броситься въ какой угодно омутъ, если въ немъ есть малѣйшая возможность отыскать ясный предметъ желаній.

Нельзя себѣ представить состоянія умовъ болѣе благопріятнаго для воспріятія революціонныхъ программъ.

11.

А между тѣмъ революціонеровъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, революціонеровъ съ программой, заговорщиковъ, тогда даже почти не существовало. Я говорю о переломѣ съ шестидесятыхъ на семидесятые годы.

Съ самаго 1866 года заговорщики у насъ почти исчезли. Въ передовыхъ слояхъ явилось сознаніе невозможности революціи въ близкомъ будущемъ. Революціонный духъ пошелъ почти цѣли.

комъ въ своего рода „культурную работу“. Заговоры, возстаніе — все это преждевременно. Нужно распространять *знанія*. И эти знанія распространялись обильно. Въ эту именно эпоху—конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ — явилось множество переводовъ всякихъ исторій, революцій, сочиненій разнаго рода социалистовъ и т. п. Лавровъ, тогда еще русскій подданный, хотя и высланный административно, пишетъ свои знаменитыя *Историческія Письма*, на долго оставшіяся евангеліемъ революціонеровъ. Появился рядъ книгъ, какъ *Пролетаріатъ во Франціи*, переводъ *Маркса*, сочиненій *Лассаля*, книжекъ Вермореля, какъ *Дятели съ 1848 году* или *Жизнь Марата*—последняя, вполнѣ апологія Марата, была воспрещена, но читалась; изданіе Луи Блана оборвалось на первомъ томѣ его *Революціи*; огромный успѣхъ имѣло *Положеніе рабочаго класса въ Россіи* Флеровскаго. Такихъ книгъ явилось множество, и всѣ—на подборъ. Намъ говорили—нужны знанія, для этого нужно читать, мы читали—и всѣ книги

совершенно единогласно говорили одно и то же. Получалась полная иллюзия, — безъ сомнѣнія, искренно раздѣляемая самими дѣятелями „культурной работы“ — будто бы „наука“ именно ведетъ къ революціи.

Успѣхи этого движенія были громадны. Въ послѣдствіи, Желябовъ былъ вполнѣ правъ, говоря съ грустію: „мы проживаемъ капиталъ“. Дѣйствительно, уже въ 1880 году проицательный чело-вѣкъ не могъ не видѣть что террористическая эпоха проживаетъ, прямо сказать, „прожигаетъ“, капиталъ, уже явно начинавшій истощаться. Но въ шестидесятыхъ годахъ этотъ капиталъ только накоплялся, широко и успѣшно.

Работа эта имѣла однако въ резуль-татѣ только укрѣпленіе основной нашей отрицательной точки зрѣнія. Ру-ководства къ жизни она все - таки не давала. Въ видѣ блѣдной тѣни искома-го рѣшенія являлось тогда движеніе *ассоціаціонное*, стремленіе къ основанію школъ, бібліотекъ и т. п. Но это было именно тѣнью рѣшенія, потому, что въ сущности — что же революціоннаго въ ас-

соціаліяхъ, школахъ, бібліотекахъ? Все это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть даже могучимъ рычагомъ для укрѣпленія самыхъ консервативныхъ началъ. Этимъ родомъ дѣятельности можно было бы широко и глубоко увлечься только въ томъ случаѣ, еслибъ основныя идеи наши не были столь безусловно отрицательны. У насъ тогда уже бродила мысль, совершенно самостоятельно и логично возникшая, что „частичныя улучшения только укрѣпляютъ существующій строй“. Съ какой же стати было посвящать имъ свои усилія?

Но гдѣ настоящая революціонная работа, не укрѣпляющая, а разрушающая? Этого не видѣлось. Мысль о прямой революціи, возстаніяхъ, заговорахъ—казалась совершенно химеричною. Нечаявъ, фанатикъ вполне исключительный, могъ только ложью и самымъ страшнымъ деспотизмомъ сколотить свое тайное общество, по раскрытіи и уничтоженіи котораго возникла въ молодежи самая страшная реакція противъ всякихъ заговоровъ. Въ 1870 году нельзя было занннуться ни о какихъ „органи-

заціахъ“ съ революціонными цѣлями. За это, безъ дальнихъ разсужденій, сочи бы прямо агентомъ - подстрекателемъ. Самого Нечаева считали агентомъ полиціи до тѣхъ поръ пока онъ не былъ выданъ и осужденъ.

Заговорщиговъ, можно сказать, не существовало. Вліяніе эмиграціи также было ничтожно. Герценъ давно уже отстранился какъ будто съ нѣкоторою брезгливостью отъ „нигилизма“. Около Бакунина вертѣлась молодежь, но никакихъ осязательныхъ отраженій этого на Россію не замѣчалось. Лавровъ еще не существовалъ, а потомъ, даже когда бѣжалъ за границу, занимался еще только развиваніемъ цюрихскихъ студентовъ. Крапоткинъ—никогда, впрочемъ, и въ послѣдствіи не имѣвшій большаго прямого вліянія на Русскихъ,—тогда еще занимался изученіемъ геологій Финляндіи. За границей издавалось, помнится, что-то въ родѣ *Русскаго Дѣла*, но я его и по сей день никогда не видалъ.

Вліяніе эмиграціи было ничтожное, почти нулевое.

Въ общей сложности, въ прямомъ

революціонномъ смыслѣ, переломъ съ шестидесятыхъ на семидесятые года былъ временемъ такого затишья какового я потомъ никогда не видалъ. За первые два года, я въ стѣнахъ университета не помню даже ни одного разговора о политикѣ, да и по студенческимъ квартирамъ они были вялы, рѣдки, случайны, совершенно ступшевываясь передъ предложеніемъ: „Выпьемъ-ка лучше, господа“. Пили тогда очень усердно. Большинство студенчества думало исключительно о „карьерѣ“. Другіе тосковали, не находили себѣ мѣста. Но тишина была полная.

Я бы разсмѣялся, еслибы мнѣ въ 1872 году кто-нибудь предсказалъ „шальное гѣто“ 1874 года. Помилуйте, кто же это будетъ бунтовать? *Von vivant*, шутникъ и весельчакъ Саблинъ? Или скромный, тихій Устюжаниновъ, ни о чемъ, казалось, не думавшій, кромѣ лабораторіи да клиники? Никогда бы не повѣрилъ. Да и обо мнѣ самомъ никто бы не повѣрилъ. Потому мнѣ бывшіе товарищи прямо говорили: „Вотъ ужъ

ни за что бы не догадался что вы о революціяхъ помышляли!"

Я въ сущности и не помышлялъ какъ-нибудь конкретно, какъ не помышлялъ ничто. Тишина была полная, глубочайшая.

При своемъ нынѣшнемъ опытѣ, я не придаю бы *этой* тишинѣ никакого значенія. На молодежь можно положиться во все не тогда, когда она безжизненна, а тогда, когда она оживлена здоровымъ оживленіемъ, бедра, весела, строить себѣ всякіе широкіе планы, но планы не перевортывающіе вверхъ дномъ существующаго, а развивающіе его основы. Разъ навсегда, никогда я не повѣрю съ благонамѣренностью русской молодежи если она будто бы думаетъ только о карьерѣ и т. п., особенно если при этомъ въ ней замѣчается упадокъ развитія. Это явный признакъ что идеалы ея болжны, а потому не находятъ яснаго примѣненія къ жизни, такъ что молодежь старается о нихъ не думать. Но это недуманье не исправляетъ самаго главнаго — *душевной пустоты*... Въ одинъ прекрасный день всѣ эти

„карьеристы“, смотришь, чуть не поголовно устраивают какую-нибудь нелѣпѣйшую штуку, гдѣ изъ-за выѣденнаго яйца, глупо, безцѣльно, прахомъ пускаютъ всю свою „карьеру“. Люди не внимающіе въ психологію массовыхъ движеній, только руками разводять: „Откуда взялось? Можно ли было предвидѣть?“

Берется именно изъ „пустоты“.

Никогда молодой человѣкъ не проживетъ безъ идеала, одною „карьерой“. Онъ самъ ошибается когда думаетъ это, когда щеголяетъ скептицизмомъ, сухостью. У него это напускное, онъ этимъ только забавляется. Но потомъ забавляться наскучить, и потребность нравственнаго содержанія жизни заговорить тѣмъ сильнѣе чѣмъ дольше оставалась безъ удовлетворенія. Она доходитъ до размѣровъ страсти закрывающей глаза на все остальное. И тогда—берегись!

Берегись вотъ почему. Нравственное содержаніе жизни даетъ только дѣятельное осуществленіе идеала. Какіе же идеалы таятся въ этой „карьеристской“

душѣ? Что онъ, во глубинѣ сердца, — думаетъ о спасеніи души, о вѣчной жизни, объ обузданіи плоти? Очевидно, нѣтъ, иначе онъ не щеголялъ бы „карьеризмомъ“. Думаетъ ли онъ о славѣ отечества, объ ослѣпляющемъ миръ развитіи его великихъ началъ? Очевидно, нѣтъ, въ противномъ случаѣ его личныя мечты не приняли бы формы карьеризма. Нѣтъ, онъ найдетъ въ душѣ только отрицаніе существующей жизни, такое презрѣніе къ ней, такое убѣжденіе въ ея негодности что она даже не возбуждала его желанія служить ей. Вотъ что найдетъ онъ: идеалъ отрицательный, а стало быть и нравственнаго содержанія жизни будетъ искать въ *ею* предложеніи, то-есть въ чемъ-нибудь разрушительномъ. И чѣмъ менѣе онъ развить, тѣмъ болѣе *легкими путями* станетъ онъ искать нравственнаго содержанія.

Самый же легкій путь есть именно самый нелѣпый. Онъ состоитъ не въ томъ чтобы самому искать чего-нибудь: на это нужна большая духовная работа, усиліе, — а въ томъ чтобы просто от-

крыть душу какому-нибудь вѣянію, теченію, нервному току, предоставитъ ему свободно, безъ отпора, влиться въ свою пустоту. Развитаго человѣка это не удовлетворитъ, потому что у него есть *собственное* содержаніе, возмущающееся противъ наплыва чужаго. У неразвитаго ничего такого нѣтъ, вѣяніе свободно заполняетъ его пустоту. Онъ дѣлается рабомъ этого вѣянія, теченія, пойдетъ за нимъ куда угодно, до всякихъ крайностей, до всякихъ нечестностей, до всякихъ преступленій, какъ гипнотизированный, безвольный и безответственный.

12.

Въ это время ватинья родился кружокъ Чайковскаго въ Петербургѣ. Кажется, это было въ 1871 году. Я пишу на память, безъ справокъ, можетъ легко случиться ошибка въ датахъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ кружокъ, въ началѣ ничтожный, а года черезъ два обладавшій уже огромными средствами вліянія, не вносилъ, по идеѣ, рѣшительно ничего новаго. Онъ дѣлалъ то что дѣ-

дали всѣ остальные „культурные дѣтели“ революціи, распространяли „знанія“ и т. п. Ничего прямо бунтовскаго тутъ не было. Но кружокъ превратилъ массу молодежи изъ простаго пассивнаго объекта „культурной работы“ въ дѣятельный факторъ ея. Въ этомъ только и состояла оригинальность. Чайковцы сами выросли изъ „кружка самообразованія“, систематически повсюду порождали такіе кружки, сначала въ Петербургѣ, потомъ по всей Россіи. Чайковцы приняли дѣятельное участіе въ изданіи и распространеніи литературы создаваемой тогдашними нашими передовыми людьми. Кружокъ скоро сталъ распространять столько книгъ что ему позавидовала бы любая издательская фирма. Собственныхъ изданій у него было немного, большинство книгъ онъ скупалъ, бралъ на комиссію, распространяя среди молодежи по удешевленной цѣнѣ, въ убытокъ себѣ, и возмѣщая тѣ убытки сборами и пожертвованіями. Создаваемые имъ кружки принимали дѣятельное участіе во всей этой работѣ. Молодежь не толь-

но „самообразовывалась“, но „образовывала“ другихъ, не только читала, но и распространяла, „оживлялась“ одними, и „оживляла“ другихъ. Движеніе демократизировалось, стало достояніемъ не передовой аристократіи, а передовой массы.

Въ этомъ все революціонное значеніе кружка Чайковцевъ. Онъ поставилъ рядъ вожаковъ для всѣхъ направленій послѣдующаго движенія, но онъ ихъ не создалъ, а только пропустилъ сивозъ себя. Не онъ выработалъ ихъ идеи. Но онъ *расшевелилъ массу*, вывелъ ее изъ апатіи, изъ бездѣйствія. Это значило—сдѣлать *все*. Когда какая-нибудь масса съ революціоннымъ міросозерцаніемъ находится въ состояніи затишья, ее достаточно расшевелить чѣмъ бы то ни было, лишь бы расшевелить сильно. Для этого какія-нибудь крайнія средства вовсе не всегда целесообразны. Нечаевъ только пришибъ молодежь, усилилъ апатію. Чайковцы, напротивъ, чутьемъ угадали надлежащую дозу удара. Они только чуть-чуть выдвинулись изъ фронта общаго „куль-

турно-революціоннаго“ движенія, сдѣлали лишь ближайшіе его выводы—именно превратили его въ массовое, оживили массу. Разъ это достигнуто, разъ голова заработала, основы міросозерцанія непременно приведуть къ своему логическому выводу, хотя масса сначала его не предвидитъ, не предвидятъ даже сами „оживители“. Изъ Чайковцевъ многіе отвернулись отъ послѣдующаго, но событія пошли своимъ чередомъ.

Сначала же этого вовсе не предвидѣли. Мы не называли себя даже *революціонерами*, а просто *радикалами*. Это названіе—воспоминаніе своего дѣйствительнаго происхожденія—удержалось въ революціонной средѣ даже и въ то время когда уже „терроръ“ свирѣпствовалъ во всей доступной ему силѣ. Названіе очень оскорбляло уши эмигрантовъ, потому что за границей, между революціонерами, слово радикалъ чуть не бранное, въ родѣ того какъ у насъ сказать „либералишка“. Радикалами, однако, продолжали называть себя даже „народовольцы“. Въ первыя времена Чай-

ковцевъ вообще сознание своей явной, не подлежащей никакому оспариванію принадлежности къ самому обыкновенному передовому, образованному слою было такъ ясно что никакихъ особенныхъ отличительныхъ кличекъ мы не выдумывали и не принимали. Мы, конечно, понимали что мы революціонеры по стремленіямъ, но не больше чѣмъ всѣ остальные, чьи книги мы распространяли. По дѣятельности же—тоже ничего особеннаго, отличнаго отъ прочихъ. Революція—представлялась чѣмъ-то такимъ величественнымъ что прилагать это слово къ нашей мелкой работѣ казалось просто опозниваніемъ его.

13.

Періодъ массоваго „самообразованія“ и „распространенія книгъ“ тянулся не долго. Каждый изъ насъ скоро убѣждался что сколько онъ ни читаетъ книгъ, всѣ онѣ говорятъ одно и то же, и именно то же самое что онъ и безъ нихъ уже думалъ. Поэтому каждый собственно *образованіе себя*. скоро, за излише-

ствомъ, прекращагь. У него оставалась на рукахъ, за ликвидаціей личной задачи, только задача общественная: образованіе другихъ, распространеніе уже не читаемыхъ имъ книгъ между другими. Оставалась на рукахъ чистая пропаганда, къ которой мы уже привыкли за время самообразованія. Слои людей занятыхъ такимъ образомъ пропагандой росъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ больше покидалось собственное образованіе. Ставъ дѣломъ спеціальнымъ, пропаганда естественно заставляла подумать и о болѣе усовершенствованныхъ органахъ ея. При дѣятельномъ участіи кружка Чайковцевъ, за границей появляется *Впередъ* Лаврова. Значеніе Лаврова при этомъ отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать. Мы его три раза заставляли передѣлывать программу будущаго органа.

Шелуха самообразованія, выросшая пропаганду, отладала. Оставалась одна пропаганда. Но и съ пропагандой затѣмъ повторилось нѣчто въ томъ же родѣ. Нарождающіеся изъ самообразованія пропагандисты дѣлали самые бы-

стрые успѣхи. Куда ни направлялся каждый изъ нихъ къ молодежи, онъ могъ сказать: *veni, vidi, vici*. Въ сущности, не съ яѣмъ было спорить, некого побѣждать, и весь арсеналъ книгъ его дѣйствовалъ чуть не одними обложками. Всѣ и безъ того имѣли одинаковыя мысли. Пропагандѣ въ молодежи скоро нечего было дѣлать, она въ историческомъ смыслѣ была не столько пропагандой, какъ генеральнымъ смотромъ революціоннаго міросозерцанія.

На производство его потребовалось около двухъ лѣтъ. По окончаніи его мы по взглядамъ были совершенно тѣ же какъ и до него. Но мы увидѣли, сознали что мы повсюду; мы чувствовали себя не разрезанными, а сплоченными, мы имѣли повсюду вожаковъ которымъ вѣрили. Мы испробовали свои силы и пріучились что-то такое „политическое“ дѣлать. Мы расшевелились и уже не могли сидѣть смирно.

Вопросъ объ уничтоженіи существующаго строя и замѣны его новымъ конкретно оставался предъ нами въ такомъ же туманѣ, какъ и два-три года назадъ.

Но предъ этимъ вопросомъ мы уже не могли и не хотѣли сидѣть въ пассивной тоскѣ. Мы кинулись въ активное исканіе выхода.

14.

Съ этого времени революціонный слой начинаетъ пріобрѣтать собственные контуры, замыкается мало-по-малу въ „партію“, создаетъ свою особенную литературу, программы, фракціи, появляется временами довольно сильное вліяніе эмиграціи. Вообще, онъ отчленяется отъ остальнаго „интеллигентнаго“ слоя. Либералы иногда даже вступаютъ съ революціонерами въ полемику, революціонеры, со своей стороны, ругательски ругаютъ либераловъ. Несмотря на все это, если революціонеры дѣлаются за это время полными отщепенцами отъ исторической Россіи, то я никакъ не могу ихъ признать отщепенцами отъ европеизированной части образованнаго общества. Я положительнѣйшимъ образомъ утверждаю что нѣтъ ни одного революціоннаго теченія (за исключеніемъ

терроризма), которое бы не имѣло своихъ корней или отраженія въ легальной литературѣ, по большей части съ необходимыми смягченіями, иногда и безъ нихъ. Идеи анархизма не формуровались въ сжатую систему, но онѣ разлиты были повсюду, безъ Бакунина. Наши русскія идеи о свободѣ личности или о вольностяхъ общественныхъ съ самаго начала были чисто анархическими. Ни въ одной литературѣ на свѣтѣ, полагаю, ихъ нѣтъ больше чѣмъ у насъ. Ученіе Лаврова, вопервыхъ, все изложено путемъ легальной русской прессы; вовторыхъ, развивалось многими публицистами настолько что я даже не увѣренъ безъ справокъ кому нужно дать хронологически первенство; кажется, впрочемъ, все-таки Лаврову. О позднѣйшихъ временахъ нечего и говорить, эти идеи даже въ стихи переключивались „знаменитымъ“ Надсономъ. Ялюбинство Ткачева тоже не было новостью. Идеи социальнаго демократизма были проводимы въ легальной литературѣ гораздо раньше нежели въ нелегальной. Демократизмъ европейскій, народничество

русское—все это находить совершенно одинаковое мѣсто въ пропагандѣ „мирной“ и „бунтовской“.

Терроризмъ стоитъ одиноко. Но это не доктрина, а *тактика*. И если мы зададимся вопросомъ какъ могла появиться такая тактика, какия для этого требовались нравственныя понятія и какия оцѣнки русской дѣйствительности, то, конечно, не придадимъ значенія ея кажущейся изолированности.

Впрочемъ, присутствіе въ общественномъ сознаніи, а стало-быть и въ легальной литературѣ, всѣхъ основъ революціонныхъ доктринъ совершенно естественно и неизбежно, потому что всѣ онѣ вытекаютъ изъ общаго міросозерцанія европеизированной части образованнаго слоя. Мысль не можетъ не работать, и если она даже отвращается отъ послѣдняго вывода или не допускается до него цензурой, то все же останавливается очень близко отъ него. Человѣку похрабрѣе или богѣе последовательному остается затѣмъ лишь договорить нѣсколько словъ, — и вотъ онъ изъ „мирнаго“ дѣятеля превра-

щается въ революціонера, изъ „человѣка общества“ во „врага общества“.

И напрасно бы старалась чисто либеральная пропаганда удержать такого человѣка „въ границахъ“. Она сама ему даетъ всѣ посылки, сама доказываетъ ихъ справедливость, и когда затѣмъ останавливается предъ выводомъ—ученикъ ее покинетъ съ недоумѣніемъ или презрѣніемъ. Этого презрѣнія либералъ не всегда заслуживаетъ. Очень часто онъ останавливается передъ выводомъ не по малодушію, не по нелогичности, а потому что въ немъ начинаетъ кричать *здравый смыслъ*. Но здраваго смысла—который есть или истинный, или результатъ мелкаго личнаго опыта — не передашь другому, особенно молодому. А идеи передаются.

Вина такого человѣка, обладающаго, за неизмѣнимъ лучшаго, хоть здравымъ смысломъ, состоитъ въ томъ что онъ не рѣшается опереться на указанія здраваго смысла и, при помощи его, провѣрить самыя теоретическія представленія свои. Только тогда, переродившись въ самыхъ идеяхъ своихъ, онъ

могъ бы успѣшно спорить съ революціонерами,—не о *выводахъ*, которые дѣлаются революціонерами совершенно вѣрно, а объ *основахъ*, въ которыхъ они ошибаются.

15.

Революціонная мысль, революціонное настроеніе, назрѣвъ до послѣдней степени напряженія, прорвались, наконецъ, *движеніемъ*, котораго судорожныя подергиванія захватили цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Это движеніе представляетъ два большіе фазиса: сначала оно бросается „въ народъ“ съ цѣлью... правду сказать, съ тысячью цѣлей, но въ концѣ концовъ онѣ всё сводились въ возбужденію народной революціи; во второмъ фазисѣ, революціонеры, оставляя народъ, пытаются низвергнуть правительство силами интеллигенціи; по окончаніи этихъ порывовъ, движеніе, уже обезсиленное, лишённое страсти и вѣры, выражается, съ одной стороны—въ какой-то уродливый конституціонализмъ, съ другой—въ чистый, скучнѣйшій и,

вѣроятно, бесплоднѣйшій социаль-демократизмъ.

Если мы вспомнимъ что въ каждый изъ этихъ отдѣльныхъ фазисовъ существовало по нѣскольку различныхъ плановъ дѣйствія, — различныя фразіи пропагандистовъ, анархисты бунтари, попытки самозванщины, попытки дѣйствія черезъ сектантовъ, попытки возбужденія конституціонной агитаціи, попытки заговоровъ, попытки „вынужденія уступокъ“, попытки „аграрнаго террора“ и т. п., — то нельзя не согласиться что для пятнадцати лѣтъ это — страшная толчея, это — горячее метаніе изъ стороны въ сторону, къ самымъ даже противоположнымъ цѣлямъ, это, какъ я говорилъ, — *исканіе*, исканіе связи своего революціоннаго міросозерцанія съ жизнью, исканіе очевидно неудающееся, постоянно наталивающееся на невозможности и абсурды, ступающее лбомъ объ одну стѣну, бросающееся въ другую сторону, и, натыкаясь снова на какую-нибудь скалу, бросающееся опять и опять куда-нибудь гдѣ еще не видно препятствій.

Все перепробовали въ предѣлахъ своего матеріалистическаго міросозернанія, съ его обожаніемъ челоувѣчества и соціальныхъ формъ, съ вытекающимъ отсюда самодержавіемъ народа, социализмомъ и отрицаніемъ исторической необходимости. *

* Я, конечно, знаю что социализмъ такъ-называемый научный, на которомъ строится социалъ-демократія, совершенно признаетъ историческую необходимость и совершенно лишена религіознаго характера. Но у насъ социалъ-демократизмъ былъ всегда ничтожно слабъ. По моему мнѣнію, онъ и въ Европѣ при первыхъ успѣхахъ своихъ, ступаетъ предъ анархизмомъ. Социалъ-демократизмъ такой же компромиссъ какъ и буржуазный либерализмъ. Поэтому и у насъ научный социализмъ наиболее распространенъ въ слояхъ политически чисто либеральныхъ, а наши социалъ-демократы—единственныя революціонеры искренне готовые помогать конституціоналистамъ безъ задней мысли перехватить у нихъ власть. Обѣ стороны одинаково думаютъ только о желудкѣ и размежевались полюбовно: однимъ ближайшее, настоящее, другимъ—будущее. И обѣ ошибутся въ расчетъ, потому что на самомъ дѣлѣ у челоувѣка не одинъ желудокъ, а есть также душа, которая не можетъ не заговорить.

16.

Движеніе въ народѣ по своей хаотичности, по дѣтской наивности, по невообразимому непониманію дѣйствительнаго положенія дѣла, по множеству отдѣльныхъ маскаранныхъ глупостей—
можеть, конечно, заставить понимать плечами. Настоящая поѣздка Донъ-Кихота, и именно это сравненіе приходило мнѣ въ голову, когда я, сидя въ тюрьмѣ, размышлялъ о нашей „пропагандѣ“:

Славный рыцарь изъ Ламаичи,
Мы съ тобой по духу братья,
И твое смѣшное имя
На себя готовъ принять я...

И однако, вспоминая все то шальное время теперь, совершенно уже со стороны, я не могу не видѣть что въ концѣ концовъ молодежь была виновата по преимуществу лишь въ чрезмерномъ довѣрїи къ розказнямъ передовой литературы. Донъ-Кихоть сумашествовалъ за свой собственный счетъ, мы же—по „довѣренности“. Еслибы народъ былъ

дѣйствительно тѣмъ тѣмъ его предъ нами изображали, движеніе было бы далеко не смѣшнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы знали объ участіи массы народа въ устроеніи именно этого, настоящаго, „существующаго строя“, столь намъ ненавистнаго? Народъ намъ всегда изображался только жертвой его, но никакъ не устроителемъ и не поддержателемъ. Кто намъ расписывалъ всякую „попизовую вольницу“ бѣжавшую отъ „московскаго гнета“, разныхъ Стенокъ Разныхъ и Пугачевыхъ „тенденціозныхъ разбойниковъ“ и т. п? Кто писалъ:

И хотя на Руси человека того
Каждый годъ по церквамъ проклипають,
Но привоажкій народъ о немъ писани
посеть

И съ любовью его вспоминаеть...

и т. п. глупости и выдумки? Пусть читатели перелистуютъ хоть *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*,—вѣдь это дѣйствительно невозможное, невыносимое положеніе. Если даже народъ „задавленный грубою силой“ и т. п. потерялъ мужество чтобы „страх-

нута притѣснителей“, если онъ только несетъ ямку какъ „унылый, сумрачный бурлакъ“, и „на великой русской рѣкѣ“ только „стоиъ раздается“, „гдѣ народъ тамъ и стоиъ“,—то дѣйствительно ли легкомысленно предположить что стоиъ притѣсненный, страдающій народъ легко взбунтовать?

Могли ли мы предположить что наши знатоки народнаго быта, учителя, болтали о томъ о чемъ сами не имѣютъ понятія, что наши вдохновенные пѣвцы народныхъ слезъ просто перескакивали „къ перу отъ карты и къ картамъ отъ пера“, только-что подмахнувшаго какое-нибудь—

Пробудись! есть еще наслажденія,
Ворота ихъ, въ тебѣ ихъ спасеніе...
Но счастливые гаухи къ добру!

Мы не имѣли понятія о народѣ, о его стонахъ и радостяхъ, о его дѣйствительныхъ бунтахъ, о его воззрѣніяхъ на свободу и неволю. Сидить, бывало, какая-нибудь хорошенькая барышня въ золотомъ песнѣ, въ модномъ платьѣ, котораго еще не успѣла пере-

и вѣнать на явобы крестьянскіе лохмотья,
и тоненькимъ голоскомъ распѣваетъ:

Свобода освободушка, воля вольная,
Что жь ты къ намъ, лебедушка, пойдешь,
не астишь...

И такъ искренне выводить, такъ глупо,
съ такимъ убѣжденіемъ что это пѣсня
„найденная“ у какого-то „крестьянина“
„при обыскѣ“... Бѣдныя, бѣдныя „жел-
торотыя“! Не легко имъ пришлось рас-
плачиваться за разбитые горшки.

А впрочемъ, они возбуждаютъ груст-
ное чувство только пока молоды, пока
изъ нихъ еще могло бы что-нибудь
выйти, пока они являются жертвой
старшихъ. Прошли десятии лѣтъ, мозги
застыли окончательно, искренность пре-
вратилась въ китайскую неподвижность,
чувство очерствѣло въ септантской не-
примиримости, глаза закрылись на все,
и изуродованное поколѣніе, въ свою
очередь, стало уродовать другихъ. Тутъ
ужь недо жалости, которой гораздо болѣе
достойны ихъ новыя, молодыя жертвы.

17.

Молодое поколѣніе семидесятыхъ годовъ очень мало *нравственно* отвѣтственно за движеніе въ народъ. Это движеніе было совершенно подсказано внушенными ему понятіями о социальномъ строѣ Россіи, объ исторической роли и современномъ положеніи народа. Но съ этого перваго опыта — оно уже лично виновато. Сколь ни коротки были эти экскурсіи, сколь ни маловажна практика кружковой дѣятельности, — онѣ могли дать много поученія для каждаго въ комъ сохранилась хоть искра свободнаго сознанія и воли. А эта искра есть у каждаго человѣка. Мы не могли не видѣть многого, и дѣйствительно *видѣли*. Мы отлично знали что въ народъ можно кого угодно бранить и порицать, но почти невозможно заикнуться о Государѣ. О Государѣ можно было говорить только уже съ самыми „подготовленными“. Это зналъ каждый пропагандистъ послѣ самаго недолгаго опыта. Мы всё знали

что *единственная* успешная попытка народной организаціи была сдѣлана Стефановичемъ и товарищами, которые дѣйствовали якобы отъ Высочайшаго имени, прямо Его приказомъ, и даже приводили народъ Его именемъ къ присягѣ. Малѣйшее честное размышленіе о такихъ фактахъ могло бы намъ показать истинный характеръ русскаго государственнаго строя. Мы на каждомъ шагѣ видѣли православную философію въ народѣ и при малѣйшемъ честномъ размышленіи могли бы понять изъ этого не только что такое народъ, но и что такое Церковь, умѣвшая его такъ воспитать. Мы отлично видѣли понятія народа о собственности, о власти, о семейномъ началѣ. Мы могли и должны были, на основаніи наблюдаемаго, подвергнуть пересмотру свои идеи, и не *хотѣли* этого. Многие изъ насъ, долго прожившіе въ народѣ, совершенно начинали перерождаться и, замѣчая это, мы стали говорить что пребываніе въ народѣ „обуржуазиваетъ“, „дереволюціонизуетъ“,—и стали даже этому пребыванію противодействовать. Мы изъ соб-

ственной нашей кружковой практикѣ не только могли видѣть, но и *видѣли* что такое значать выборы, коллективныя обсужденія и т. п. У тѣхъ кто былъ поумнѣе скоро составилось вполне ясное убѣжденіе что умныхъ людей не выбираютъ, что кагальное обсужденіе только запутываетъ вопросы. Мы знали что большинство глупѣе меньшинства, и въ собственной кружковой практикѣ дѣйствовали сообразно съ этимъ. А для Россіи, для организма въ миллионъ разъ болѣе сложнаго, продолжали требовать верховенства народа, всенародныхъ голосованій и т. п.

Вообще мы могли бы многому научиться—и не научились ничему. Одно было ясно что оставаться около народа значить „биться какъ рыба объ ледъ“. Другое—ясно чувствуемое—было ожесточеніе за „преслѣдованія“, за то что не давали вести пропаганду, готовить народныя возстанія (между прочимъ путемъ самозванщины), что за это сажали въ тюрьму, ссылали на каторгу.

Третье, въ чемъ мы были *исполни*

увѣрены, — это что мы *авангардъ* неизбежнаго общаго движенія, революціи, и что повтому мы — сила, огромная сила, не по данному наличному составу, очевидно ничтожному, но по своему, такъ сказать, положенію. Не сами по себѣ сильны, а какъ представители неизбежно грядущей революціи.

18.

Эта вѣра въ революцію была у насъ создана опять же отнюдь не какими-нибудь заговорщиками, эмигрантами и профессиональными революціонерами. Это старинная „западническая“ идея, пришедшая изъ Франціи и вполне логично укоренившаяся въ нашемъ образованномъ классѣ. Что міръ развивается революціями — это было въ эпоху моего воспитанія аксіомой, это былъ законъ. Нравится онъ кому-нибудь или нѣтъ, она придетъ въ Россію, уже хотя по одному тому что ея еще не было — очевидно что она должна придти скоро. Чѣмъ больше времени прошло безъ революціи, тѣмъ, стало-быть, меньше оста-

лось ждать. Очень ясно! Само собой, при известномъ міросозерцаніи, люди ждали „пришествія“ съ радостію:

...Дѣло прочно,

Когда подъ нимъ струится кровь,

какъ выразился Некрасовъ. Но революція считалась неизбежною даже тѣмъ кто вовсе ея не хотѣлъ. „Эхъ, молодые люди, увѣщевалъ одного арестованнаго полицейскій офицеръ,—и изъ чего вы хлопочете? Ну, поставятъ вамъ памятникъ черезъ 50 лѣтъ: да съ-то гдѣ будете въ это время? Давно съгѣете гдѣ-нибудь.“ И нынче у стариковъ, у людей того времени, это убѣжденіе замѣчательно прочно. Одинъ весьма известный писатель, довольно опредѣленный націоналистъ и вовсе не либералъ, еще недавно говорилъ мнѣ: „Я очень радъ что Россія уже пережила революцію, — такъ какъ я всегда утверждалъ что она ее переживаетъ—теперь мы можемъ разчитывать на спокойное развитіе.“ Этому человѣку нужно убѣдить себя что „законъ“ исполнился. Иначе онъ не будетъ спокоенъ!

Я уже замѣтилъ выше что извѣстное міросозерцаніе, приводя къ полному противорѣчію съ дѣйствительною жизнью, пораждаеть революцію. Но міръ тутъ ни при чемъ. Огъ, вообще, развивается не революціями. Ни при чемъ и Россія вообще взятая. Что касается „передовыхъ“, то ихъ „революцій“ никогда не переживешь до тѣхъ поръ пока не взмѣнится ихъ общая философія.

Вѣра въ пришествіе революціи въ семидесятыхъ годахъ дошла до крайней степени, особенно, конечно, у революціонеровъ, которымъ было весьма утѣшительно думать что они дѣйствуютъ не въ пустую. Нечасевъ назначалъ даже сроки для революціи. Одинъ изъ нихъ былъ годъ прекращенія временно-обязанныхъ отношеній къ помещикамъ. Помню, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, мой сосѣдъ, разговаривая со мной, * замѣтилъ:

* Стукомъ, конечно. Каждая буква означается извѣстною краткою комбинаціей ударовъ. Приучившись, можно разговаривать очень быстро; быстрое чѣмъ, напримѣръ, писать.

— Мы такъ хорошо узнали другъ друга, а въ лицо не знаемъ. Но увидимся...

— Когда же?

— Когда на волѣ будемъ.

— Дождидайся!

— Отчего же? Года за три не попремъ, а въ три года, если не освободить судъ, такъ *освободитъ революція*.

Это говорилось совершенно серьезно.

Какъ бы ни была слѣпа внутренняя, теоретическая вѣра, нужно же имѣть, однако, какіе-нибудь вѣншіе признаки. Почему революція именно такъ близка? Безъ сомнѣнія, признаки нужны. Безъ сомнѣнія, также, собственно въ народѣ мы ихъ видѣли въ высшей степени мало, такъ что для своего утѣшенія должны были ставить въ счетъ самыя пустяшныя явленія, самыя ничтожныя столкновенія рабочихъ съ хозяевами, крестьянъ съ мѣстною полиціей, каждую жалобу мужика на то что „тяжело ста-

Мы такъ вели цѣлые споры. Нѣкоторые ступки такъ удобны что ихъ отъ насъ переняли даже сторожа.

ло", все что всегда было, есть и будет, и что ровно ничего не доказываетъ кромѣ вѣчнаго столкновенія человѣческихъ интересовъ и безконечности человѣческаго стремленія къ лучшему, болѣе удобному. Въ подвижномъ, полномъ жизненнаго трепета социальномъ равновѣсїи мы, по своему узкому міросозерпанію, не хотѣли видѣть именно результаты, то-есть равновѣсія, а отмѣчали только трепетаніе слагающихъ его отдѣльныхъ силъ. Видя же ясно что все-таки революціи нѣтъ, мы порѣшили съ народомъ на томъ что онъ задавлемъ, боятся, не рѣшается бунтовать. Это заключеніе съ грѣхомъ пополамъ заполняло подлежащую графу революціонной вѣдомости. Но настоящіе, вполне уже, казалось, убѣдительные признаки наступающей революціи мы видѣли — въ „сознательной части народа“, въ обществѣ, въ интеллигенціи.

Начинать революцію съ этой стороны, въ союзъ съ „обществомъ“, собственно говоря, было нежелательно, неприятно. Но если нельзя иначе, если революція должна начаться съ этого

конца — что же делать? Можно и на этом помириться; такъ какъ, съ испроверженіемъ „абсолютнаго“ правительства, съ „народа“ будетъ снятъ „подавляющій его гнетъ“, и народъ, только изъ боязни сидящій смиренно, тоже выйдетъ на революціонный путь.

19.

Начинать „съ обществомъ“ намъ было нежелательно, даже стыдно, это назалось „измѣной“. Дѣйствительно, мы были во всякомъ случаѣ не „либералы“. Мы были послѣдовательные и искренніе носители нашего общаго съ либералами міросозерцанія, а потому мы были крайними демократами, сторонниками не словеснаго, а дѣйствительнаго народнаго всевластія, политическаго и экономическаго. Все должно принадлежать массѣ. „Либералы“ этого, естественно, не желали. Слѣдовательно, помогая имъ получить власть, конституцію, мы, такъ-сказать, предавали бы имъ „народъ“, „народное дѣло“. Повтому мы сначала были даже безусловно

противъ „конституціи“. Мы хотѣли непремѣнно „переворота экономического“. Нужно было имѣть истинно анархическую голову чтобы вмѣщать эту неопредѣленность тогдашняго „экономического переворота“, но во всякомъ случаѣ хлопотали именно о немъ.

Итакъ, „конституціи“ не желали, боялись, а между тѣмъ всѣ свои неудачи „въ народѣ“ объясняли тѣмъ что „правительство не даетъ свободы дѣйствія“. Изъ этого возникла мысль, которую трудно даже назвать мыслью, но ея нелѣпости, но которая, однако, первая положила начало „террору“.

У меня нѣтъ подъ руками *Земли и Воли*, подпольнаго листка, въ которомъ излагалась эта премудрость, но въ сущности своей мысль эта такая: „Конституціи и вообще свободы мы не требуемъ, она насъ не касается, у насъ есть свое дѣло—соціалистическое. Но мы требуемъ чтобы намъ не мѣшали дѣйствовать, и если намъ будутъ мѣшать, то мы будемъ убивать людей администраціи и правительства.“ Другими словами—пусть, если угодно,

существуетъ цензура, лишь бы намъ не мѣшали издавать подпольные листки и прокламаціи; пусть существуетъ административная высылка, лишь бы не высылали революціонеровъ; пусть полиція пресѣкаетъ какія угодно преступленія, но только не подготовленія возстанія...

Это, очевидно, было слишкомъ глупо для того чтобы какіе бы то ни было люди могли долго удержаться на подобной позиціи. И хотя такія вещи отъ времени до времени продолжали высказываться, масса революціоннаго слоя очень быстро стала на путь *общаю* требованія политическихъ вольностей. Заговорили о „испроверженіи правительства“, „революціонномъ захватѣ власти“, „созывѣ учредительнаго собранія“ и т. п. Въ собственномъ сознаніи революціонеры до известной степени принимали тутъ къ „либераламъ“, хотя оставались радикальнѣе ихъ, шли дальше и во всякомъ случаѣ желали чтобы „власть“ досталась не „либераламъ“, а народнымъ массамъ, или, „что одно и

то же", „его революціоннымъ представителямъ", то есть имъ самимъ.

Мысль вынырнула изъ чистой нелѣпости и поплыла по привычной ей фантастичности. Но, къ несчастью, новая область фантастичности была такова что создавала уже не комическія положенія, а трагическія, и приводила къ преступленію за преступленіемъ.

20.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ нравственный. Но собственно съ точки зрѣнія разчета, что представляютъ въ это время революціонеры? Говорятъ ли въ нихъ чисто бредъ безумнаго, утратившаго всякое сознаніе дѣйствительности?

Еслибъ я писалъ для революціонеровъ, я бы по преимуществу обратилъ ихъ вниманіе на эту сторону дѣла. Но для Россіи въ широкомъ смыслѣ гораздо важнѣе не забывать объективных обстоятельствъ производившихъ иллюзію въ умахъ способныхъ ей поддаваться.

Итакъ, я скорѣе спрошу: въ настрое-

ним и поведеніи извѣстныхъ слоевъ общества было ли что-нибудь способное дать революціонерамъ поводъ думать о революціонномъ движеніи въ обществѣ? Было ли что -нибудь позволявшее покойному М. Н. Каткову, хотя бы въ порывѣ возбужденія, воскликнуть что „мы уже находимся въ революціи“, а профессору Н. А. Любимову писать свои предупредительныя статьи „Противъ Течения“?

Вопросъ этотъ, въ сожалѣнію, слишкомъ ясенъ. Я говорю не объ *идеяхъ* этихъ слоевъ, гдѣ уже и вопроса не можетъ быть, но о самомъ *поведеніи*.

Въ этихъ слояхъ общества существовала, воцарившись, полная увѣренность въ необходимости конституціи, въ томъ что реформы покойнаго Государя Императора имѣютъ логическимъ завершеніемъ именно ограниченіе Самодержавія конституціей. Въ этой именно цѣли и концу подгонялись передовыми самими реформы, насколько это было имъ доступно. Большинство такихъ людей, безъ сомнѣнія, не только не

желали достигнуть цѣли путемъ прямого насилія, но нѣли, какъ я говорилъ, достаточно здраваго смысла чтобы понимать невозможность насилія. Но не менѣе несомнѣнно что они находились въ состояніи раздраженія и недовольства по случаю продолжительнаго „неувѣичанія“ зданія, и склонны было радоваться всему что можетъ „подорвать“ правительство обратиться къ „содѣйствію общества“.

Все это, пожалуй, хуже революціи, но не есть еще революція. Но вотъ появляется въ молодежи революціонное движеніе. Какъ же отнесутся къ нему „либералы“? Само собою, они не могли одобрить „хожденія въ вародъ“, но неодобреніе было далеко не рѣзко, не убѣдительно. Впервыкъ, анархическая подкладка мышленія у насъ такъ сильна что находилось не мало „людей общества“ которые даже и такому странному движенію прямо помогали. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать людьми „внѣ общества“ Ковалковъ и Войкоральскихъ, избираемыхъ въ мировые судьи? Въ процессѣ 198

были запутаны даже лица судебного вѣдомства, офицеры, землевладѣльцы. Допустимъ, что все это было въ умѣренномъ количествѣ, но за то вѣдь и движеніе было ужь очень невѣроятное. Допустимъ что „неодобреніе“ также выражалось обществомъ, но что это за неодобреніе! Молодежь упрекали въ „благородномъ, великодушномъ и т. п. увлеченіи“. Великъ упрекъ! Когда у насъ съ 1874 года потянулся рядъ политическихъ процессовъ, молодежь видѣла себѣ со стороны передоваго общества только сочувствіе. Оно по большей части было основано по преимуществу на чувствѣ *гуманности*, однако же нельзя было не видѣть, что такой гуманности тѣ же люди нисколько не проявляютъ относительно другихъ, не политическихъ преступниковъ. Настоящая гуманность, никого не вводящая въ заблужденіе, проявлялась очень рѣдко. Было двое-трое человѣкъ которые, оказывая по христіанству помощь страдающему человѣку (какимъ былъ, натурально, и политическій арестантъ), высказывали однако имъ свое неодобреніе,

старались переубѣдить ихъ, доказать имъ, что они неправы. Это была настоящая гуманность, не помощь *своему*, а помощь врагу, и притомъ стремленіе не просто успокоить человѣка, доставить ему больше комфорта, а *спасти* его, помочь ему не только матеріально, но и духовно. Но такіе люди составляли рѣдкое исключеніе. Помощь заключеннымъ по большей части была преклоненіемъ предъ ними, относилась къ нимъ какъ къ *мученикамъ*, и духовно окончательно губила ихъ. Иногда со стороны передоваго общества „политическіе“ видѣли даже явное, несомнѣнное сочувствіе самымъ идеямъ своимъ. Рѣчь С. Бардиной на судѣ въ этомъ обществѣ произвела истинный фуроръ. Знаменитый Тургеневъ „съ благоговѣніемъ“ цѣловалъ карточку „мученицы“. Если заключенные, осужденные и т. п. слышали упреки себѣ, дѣлаемые, впрочемъ, со всевозможными расшириваніями, то исключительно съ той точки зрѣнія, что они безплодно растрачиваютъ силы, которыя бы нужно

было примѣнить къ полученію политическихъ вольностей. Вообще поведеніе передоваго общества было таково что единственное заключеніе какое изъ него можно было вывести, — это то что общество только не рѣшается вѣрить въ столь радостное событіе какъ пришествіе революціи, но весьма ея желаетъ. Стало - быть, нужно было лишь подогрѣть, расшевелить его — и дѣло пойдетъ. Дѣло, казалось, должно было пойти, потому что, по взглядамъ почерпнутымъ изъ міросозерцанія самого же „общества“, правительственный строй представлялся какъ бы висящимъ въ воздухѣ, безо всякихъ прочныхъ основаній.

Сочувствіе „общества“ революціи, освобожденной отъ чрезмѣрнаго „мужичества“ и социализма, и направленной на цѣли преимущественно политическія, казалось революціонерамъ, со времени эпохи процессовъ, несомнѣннымъ. Революціонеры не сомнѣвались что будутъ приняты съ распростертыми объятіями, и только сами стѣснялись „измѣнить народу“. Однакоже въ народѣ ясно

революціи не предвидѣлось, а между тѣмъ ждать дольше было психологически невозможно для людей такъ страстно настроенныхъ, такъ безусловно вѣрующихъ въ свою революцію.

21.

О „террорѣ“ много говорилось, и сами революціонеры подыскивали ему много различныхъ основаній, якобы „цѣлей“. По моему мнѣнію, этотъ „единоличный бунтъ“ вытекалъ, въ глубинѣ своего психологическаго основанія, вовсе не изъ какого-нибудь разчета и не для какихъ-нибудь *цѣлей*. Террористы сами не понимали себя, и въ этомъ отношеніи не захотѣли бы понять. Положеніе было таково. Люди чуть не съ пеленокъ, всѣми помыслами, всѣми страстями, были выработаны для революціи. А между тѣмъ никакой революціи нигдѣ не происходитъ, не на чемъ бунтовать, не съ кѣмъ, никто не хочетъ. Нѣкоторое время можно было ждать, пропагандировать, агитировать, призывать, но наконецъ все-таки никто не желаетъ

возставать. Что дѣлать? Ждать? Смириться? Но это значило бы сознаться предъ собой въ ложности своихъ взглядовъ, сознаться что „существующій строй“ имѣетъ весьма глубокіе корни, а „революція“ никакихъ, или очень мало. Допустивъ это, пришлось бы дальѣе признать одно изъ двухъ: 1) или что люди очень глупы, 2) или что революціонные идеалы сомнительны. Допуская любое изъ этихъ положеній, пришлось бы дальѣе, шагъ за шагомъ, вопросъ за вопросомъ, разбить всю свою революціонную вѣру. Помню одного неопита, уже даже не мальчика, который все приставалъ къ революціонерамъ: „дайте мнѣ настоящее *дѣло*, или я сдѣлаюсь шпиономъ.“ Я тогда не понималъ такой странной дилеммы. Но дѣйствительно, при такомъ абсолютномъ обожаніи революціи отсутствіе революціоннаго *дѣла* было ужасно. Вѣдь теорія непременно его предсказывала, еслибы революціонныя теоріи и оцѣнки были вѣрны, то *дѣло*, фактическая революція, *не могла не быть*. Стало-быть, если ея нѣтъ, если ее ни-

накъ даже невозможно придумать, то это доказываетъ что теорія вздоръ и ложь; но если она ложь, то ложь несомнѣнно преступная, такая преступная что ее должно искоренять всѣми способами. И вотъ— „дайте *дѣла*, или пойдутъ въ шпионы“. Помнится, ему дали дѣло, во всякомъ случаѣ онъ былъ куда-то сосланъ.

Безъ революціи человѣку семидесятыхъ годовъ грозило полное крушеніе всего міросозерцанія. Онъ этого не могъ допустить, умъ былъ слишкомъ не привыченъ къ работѣ и, главное, *другой стѣры* не могъ себѣ найти. Оставалось одно: единоличнѣй быть. Еслибы революціоннаго матеріала было въ Россіи чуть - чуть побольше, онъ бы попыталъ баррикады или переворотный заговоръ. Но это оказывалось невозможнымъ. Не выходило ничего. Оставалось *дѣйствовать* въ одиночку, съ группою товарищей, а стало - быть — противъ *лицъ же*, тайкомъ, изъ-за угла... Подъ эту разбойничью практику, разумеется, подыскивались *цѣли*, самыя разнообразныя:

месть, дезорганизация, охрана пропаганды и т. п. Въ основной подкладѣ это просто быть единственный способъ начать революцію, то-есть показать *себя*, будто бы она дѣйствительно начинается, будто бы собственные толки о ней — не пустыя фразы.

22.

Такой страшный шагъ назрѣвалъ долго, онъ не могъ бы состояться еслибы революціонеры не успѣли одурманить окончательно своего разума и своей совѣсти, и даже послѣ этого онъ не могъ бы состояться въ широкихъ размѣрахъ, еслибы легкомысленное и истинно преступное поведеніе нѣкоторой части общества не поддержало иллюзіи въ наркотизированномъ мозгу „террористовъ“. Но всѣ эти условія осуществлялись одно за другимъ, какъ будто нарочно подготовляемыя.

Хороши были наши „всѣ науки“, проходимыя по программѣ Лаврова въ кружкахъ самособразованія, хорошо было наше „чтеніе“ нижего, какъ двѣ капли

сходныхъ между собою! Но даже и это до нельзя умеренное обремененіе своей головы было отброшено во время „движенія въ народѣ“. Началось отрицаніе „наукъ“, и новая формація „передовой интеллигенціи“ умудрилась дойти до замѣчательнаго невѣжества. Революціонеры перваго періода прозвали новыхъ людей „троглодитами“. Какъ новые Омары, „троглодиты“ могли бы сказать: „или въ наукахъ подтверждаютъ революцію, и тогда онѣ излишни, или ей противорѣчатъ, и тогда онѣ вредны“. Отрицаніе чтенія, образованія, книжекъ, имѣло, однако, свою внутреннюю логику. Чтò дѣйствительно могла дать революціонерамъ „наука“ имъ доступная, то-есть писанія разныхъ либераловъ? Въ основахъ—ничего. Въ частности же могла только охлаждать, вселяя все-таки сомнѣнія. Изъ-за чего же было тратить время необходимое „для дѣла“? Любви къ чистому знанію не было, да такое знаніе и не могло ее въ себѣ выработать. Практическаго же, „полезнаго“ тоже ничего не представлялось. Образованіе, чтеніе, поэтому, чрезвы-

чайно забрасывались въ слонхъ молодежи, на которыхъ отрижалось вліяніе революціонеровъ того времени, и результаты получались иногда очень рѣзкіе. Я могу вспомнить чрезвычайно талантливыхъ мальчиковъ первыхъ курсовъ, которые въ два-три года замѣчательно тупѣли съ погруженіемъ своего ума въ это самодовольное бездѣйствіе. Дѣйствительно, какая бы ни была наука, хотя бы самая патентованная либеральная, все же давала нѣкоторое упражненіе, отъ котораго теперь совершенно отрижались. Революціонная вѣра заковывалась въ непроницаемую броню отвычки разсуждать и ничего незначія. Безъ этого ей трудно было бы уцѣлѣть, пережить волюющій опровергающій крикъ фактовъ и дойти до своего „террора“, даже не замѣчая что онъ составляетъ ей логическій смертный приговоръ. Заклепанъ наглухо всѣ пружины пониманія, можно было теперь встрѣтить помѣху только въ привычкахъ нравственнаго чувства.

Любопытно, однако, какъ все устранивалось само собой, но съ такою систе-

матичностью, какъ будто кто нарочно подстраивалъ и велъ въ роковому концу. Еще съ 1876 года, когда не было никакихъ политическихъ убійствъ (хотя и были уже къ нимъ подстрекательства) въ революціонныхъ кружкахъ съ чрезвычайною силой возникаетъ, повидимому странный, споръ о томъ, *оправдываетъ ли цѣль средства?* Посторонній слушатель подумалъ бы что эти люди замышляютъ преступленіе и расчищаютъ для него путь въ своей совѣсти! Революція полубезсознательно наткнулась на такія препятствія которыхъ чистыми средствами не могла одолѣть; она искала другихъ средствъ, которыхъ нечистоту сознавала, потому что сама искала имъ *оправданія*. Вопросъ дебатировался чрезвычайно страстно. Сильнѣйшій кружокъ 1877—1878 годовъ, „Земля и Воля“, призналъ правило „цѣль оправдываетъ средства“ основнымъ принципомъ, внесъ его въ свою программу, и съ тѣхъ поръ въ кружокъ нити не былъ допускаемъ безъ торжественнаго изловѣданія этого іезуитскаго принципа.

Дѣйствительно, со своей точки зрѣ-

ніа, революціонеры и не могли его не принять. Нравственныя понятія совершенно связывали имъ руки. А между тѣмъ—почему же нельзя убить, ограбить, обмануть? Почему нельзя насильно навязать народу ту или иную судьбу? Конечно — утилитарная нравственность, единственная которую могли признавать они, говорила что убійство, нарушеніе чужаго права, обманъ и т. п.—недозволительны, потому что они вредны для общества. Какъ общее правило, это было ясно. Но въ отношеніи *революціонеро*въ, спасителей общества, передовой его части, носителей разума человечества? Вѣдь они осуществляли революцію, то-есть *величайшее* благо, а величайшее благо, величайшая степень пользы выражаетъ въ себѣ и величайшую степень *нравственности*. Стало-быть, если для такой цѣли потребуется кого-нибудь убить—это *полезно*, то-есть и нравственно дозволительно или даже обязательно. Но можетъ-быть разчетъ окажется ошибочнымъ, можетъ-быть убійство или грабежъ окажутся не полезными, не цѣлесообразными? Это уже

другой вопросъ, и во всякомъ случаѣ революціонерамъ приходится тутъ полагаться только на свое соображеніе, потому что они впереди всѣхъ, они понимаютъ лучше всѣхъ и некому имъ дѣлать указаній. Если они признаютъ что-либо полезнымъ, то, по наибольшей степени вѣроятности, это действительно полезно. Если же слушаться указаній общества или народа, то надѣлаешь гораздо больше ошибокъ.

28.

Въ то время когда въ революціонной средѣ различными путями назрѣвали идеи *террора*, переходное общество принимало все болѣе оппозиціонное положеніе. Привыкнуши пользоваться всеми несприятностями въ дѣлахъ какъ средствомъ критики, имѣющей концомъ намекъ на „увѣнчаніе зданія“ и необходимость „содѣйствія“, это общество такъ же отнеслось и къ многочисленнымъ политическимъ процессамъ. Это было тѣмъ легче что процессы велись публично, шумно, словно ихъ нарочно ста-

рались раскричать. Ласки подсудимымъ, порицанія правительству и администраціи, „губящихъ молодежь“, — все это шло crescendo. На бѣду тогда все согласно складывалось къ одному концу; въ злополучномъ процессѣ 193, дѣло было дѣйствительно чрезвычайно радутно слѣдствіемъ. По существу, *фактическая* (а не нравственная) виновность большинства привлеченныхъ была такъ ничтожна что не стоила даже судебного разбирательства, а требовала чисто административныхъ взысканій. Точно также подсудимые (сначала ихъ было привлечено около 600, кажется, человекъ) ничуть не составляли *одною* тайнаго общества, какъ усиливалось доказывать слѣдствіе. Эта коренная ошибка слѣдствія привела къ тому что дѣло затянулось до невозможности. Подсудимые сидѣли по четыре года въ одиночномъ заключеніи. Это было и жестоко, и несправедливо, не могло не возбуждать дѣйствительнаго чувства, и тѣмъ болѣе уже служило превосходнымъ предлогомъ для либеральнаго крика. Подъ вліяні-

емъ всего этого, не знаю что дѣлалось въ высшихъ сферахъ, но администрація низшая, съ которою приходилось сталкиваться, замѣчательно размякла, держала себя совершенно какъ виноватая. Въ домѣ предварительнаго заключенія (въ Петербургѣ), гдѣ снапливалось человекъ по 300 политическихъ подсудимыхъ, установились совершенно невѣроятные порядки, которые завершились злополучнымъ столкновениемъ бывшаго градоначальника, **Ө. Трепова**, съ „политическимъ“ лишеннымъ всѣхъ правъ **Боголюбовымъ**.

Генералъ Треповъ, истораго видѣ „одиночнаго заключенія“ политическихъ владыкъ тюрьмъ долженъ былъ довести до истинной ярости, — и человекъ сколько-нибудь помнящій дисциплину пойметъ это чувство, — придрался за пустяки къ **Боголюбову** и приказалъ его высѣчь. Оправдывать кого-нибудь въ этой исторіи я не стану, да и лишнее. Дѣло само за себя говоритъ. Происходило оно чуть не наканунѣ выпуска на судъ двухсотенной толпы доведенныхъ до бѣшенства подсудимыхъ. Процессъ вышелъ такимъ

какимъ долженъ былъ выйти, то есть самую скандальною политическою демонстраціей, которую слабость суда не умѣла прекратить даже когда она началась. „Передовая“ публична привѣтствовала „героевъ“, и затѣмъ 150 подсудимыхъ триумфально выпущены на улицы Петербурга.

У подъѣзда тюрьмы они встрѣчали кареты сердобольныхъ сочувствующихъ, которые предлагали гостепріимство первымъ встрѣчнымъ, незнакомымъ „политическимъ“. Много дверей „въ обществѣ“ отырывалось предъ магическимъ словомъ „освобожденный“. Полиція держала себя предъ ними съ самою предупредительною любезностью. А впрочемъ—это былъ вообще моментъ такой „вѣжливости“ полиціи какъ будто она поголовно собиралась въ отставку.

Рѣшительно во всемъ Петербургѣ одни дворянныя держали себя непримиримыми реакціонерами! Одни они не хотѣли понять „смыслъ событій“. Но остальные—если они имѣли цѣлью окончательно сбить съ толку революціоне-

Въ этотъ моментъ Петербургъ, конечно, долженъ былъ и самому Ф. Ф. Трешкову напомнить знакомыя картины Варшавы наканунѣ возстанія.

„Ну, доложу вамъ,“ говорилъ, потирая руки, „одинъ изъ умѣйшихъ революціонеровъ того времени, глубочайшимъ образомъ презиравшій „либераловъ“, — „доложу вамъ, рѣшительно—

У нашего господина
Разыгралася окотака:
И коровы, и быки,
И дворомъ мужаки“...

И онъ углублялся въ сочиненіе прокламаций и пригласительныхъ билетовъ на предстоящую панихиду по „убитомъ“, при освобожденіи Засулчъ, Сидорацкомъ.

Кто его убилъ? Не знаю, кажется, самъ застрѣлился. Съ какою цѣлью— Господь его вѣдаетъ. Можетъ-быть, действительно, какъ говорили, для того чтобы толпа обвинила въ этомъ жандармовъ, какъ и случилось. Тогда ни одинъ серьезный революціонеръ и не вѣрилъ въ эту сказку, но для демонстраціи случай былъ совершенно прекрасный.

Панихида была назначена за нѣсколько дней. По всему городу разосланы (и въ полицію посылались) печатные пригласительные билеты. Сочувствующіе приглашались почтить память жертвы деспотизма (впрочемъ, точныхъ выраженій не припомню). На панихиду ѣхали даже изъ Москвы. Тогдашніе крайніе революціонеры хотѣли воспользоваться моментомъ увлеченія

И коровъ, и быковъ,
И дворовыхъ мужиковъ

чтобы довести дѣло до уличной перепалки. Говорятъ, многіе изъ нихъ явились вооруженными. Дѣйствительно, легко было предположить что администрація приметъ вызовъ и воспользуется случаемъ очистить Петербургъ. Но дѣло вышло иначе. Хотя по близъ лежащимъ дворамъ были скоплены войска и массы полиціи, однако она не вмѣшивалась. Панихиду служили, какъ назначено, во Владимірской церкви. Толпа народа, человекъ тысяча, стояла кругомъ. Еще болѣе любопытныхъ толпилось на противоположной сторонѣ Владимірской

площади. По окончаніи паннихиды всѣ высыпали на улицу. „Господа, смотрите же—не выдавать студентов“, распорядились разодртые „либералы“. Но полиція никого не трогала. Начались рѣчи. Ораторъ, на что-то взгромоздившійся, очень краснорѣчиво поражалъ „деспотизмъ“, а приставъ мирно разгуливалъ около него въ толпѣ. Картины какія не всегда можно увидѣть и въ Парижѣ. Потомъ толпа медленно потянулась по Невскому, и тутъ начали тоже „демонстрировать“ конныя войска, очевидно нарочно державшіяся все время въ двухъ-трехъ стахъ шагахъ... Мало-помалу всѣ разсѣялись безъ дальнѣйшихъ приключеній и безо всякихъ послѣдствій. Даже арестовъ никакихъ не произошло ни на мѣстѣ, ни послѣ.

24.

Эти попытки демонстрацій время отъ времени повторялись въ послѣдующіе годы, но, вообще говоря, людей „изъ общества“ готовыхъ выходить на улицу оказалось слишкомъ мало. „Передо-

вые" имѣли достаточно здраваго смысла чтобы понимать когда и въ какой мѣрѣ это можно дѣлать. Уже въ упомянутую паннихиду по Сидорацкомъ многіе остались дома только потому что прослышали о револьверахъ революціонеровъ. Они понимали что при открытомъ бунтѣ, который бы заставилъ правительство выйти изъ упорнаго миролюбія, они будутъ въ два часа или въ два дня стерты съ лица земли. Между тѣмъ, администрація продержалась въ остро-размягченномъ состояніи всего мѣсяца два, а затѣмъ возвратилась все-таки къ нѣкоторымъ мѣрамъ репрессіи. Кое-гдѣ начались аресты, высылки. При такихъ условіяхъ, „передовая часть общества“ сочла лучшимъ ограничиться эксплуатацией чужаго революціоннаго движенія, не путаясь въ него самолично. Тотъ самый остроумецъ, о которомъ я упоминалъ, былъ очень обиженъ и безусловно отстранился ото всякихъ терроровъ и вообще „политики“: „Нѣтъ, говорилъ, другой разъ меня ужъ не надуютъ либералы.“ Это былъ, конечно, не единичный случай. Другіе, не отка-

завшіеся отъ „политическихъ волюн-
стей“, увидѣли снова что предъ ними,
кромѣ „террора“, единоличнаго бунта,
нѣтъ другаго дѣйствія. И „терроръ“
продолжался, уже поставивъ себѣ за
правило не выходить на улицу, бить
только изъ за угла, внезапными нападе-
ніями, въ строжайшей тайнѣ „конспи-
раціи“. Эта система прямо проповѣды-
валась листовомъ *Земля и Воля*. Въ
послѣдствіи она была возведена въ за-
граничныхъ брошюрахъ въ цѣлую не-
дѣйствительную теорію, будто бы откры-
вавшую человечеству новую форму
революціи. Не буду задерживаться на
этомъ дѣтскомъ вздорѣ. Суть дѣла до
1879 года состояла въ томъ что даже
на „терроръ“, на одиночныя убійства,
въ сущности не было силъ. Все это
продѣлывали на всю Россію какихъ-
нибудь десятиа два человѣкъ, переѣзжав-
шихъ съ мѣсто на мѣсто, издававшихъ
прокламаціи отъ несуществовавшаго
Исполнительнаго Комитета и т. п. Ре-
волюціонеры еще разъ чувствовали
свою слабость, и еще разъ заключали
изъ этого не о необходимости измѣ-

нить свои идеи, а о томъ что нужно еще логичнѣе ихъ развивать. Въ ихъ средѣ идетъ страстная пропаганда слотить силы на терроръ и объединить ихъ безусловною дисциплиной, слѣпымъ повиновеніемъ центру (который еще требовалось создать). Наконецъ—нужно произнести слово — всѣ эти силы, всѣ силы „революціи“, слитыя какъ одинъ человѣкъ, проповѣдывалось направить на *Царевубійство*.

Въ этомъ сгѣтѣ сургѣтѣ, преступленіе изъ преступленій, духъ анархіи находилъ свое послѣднее слово. И съ нимъ же онъ произнесъ, безсознательно, высшее признаніе Самодержавной власти.

Слабый, оторванный влочець „двѣаго мяса“, выросшій въ язвъ денационализованнаго слоя, эта самозванная „революція“ напрасно искала способовъ разрушенія *строля*. Великая страна не давала ихъ, „революція“ была не ся, не касалась до нея. „Революція“ могла дѣлать только то что было бы доступно и для банды чеченскихъ абрековъ, вздумавшихъ мстить за сво-

ихъ казенныхъ вождей. Россія національная — которую требовалось разрушить — была неохватима, недостижима, недоступна нападенію. И „революція“ сказала что тогда нужно обрушиться на Государя Россіи, что *это одно и то же*.

Никогда, ни въ чемъ Самодержавіе не могло бы получить такого поразительнаго признанія, какъ въ этомъ провавомъ злодѣяніи!

Обезумѣвшимъ оставалось еще только узнать что если Государь смертенъ какъ человѣкъ, то онъ безсмертенъ какъ учрежденіе, пока Россія есть Россія, пока свѣтятъ лучи народнаго сознанія преломляющіеся въ своемъ великомъ средоточіи. Попытка задуть свѣтящуюся точку преломленія могла стать реальною; какъ преступленіе, какъ средство политическаго дѣйствія, эта попытка оставалась большей химерой и безмыслицей чѣмъ всѣ предыдущія хожденія въ народъ.

И когда черное дѣло совершилось, свѣтъ сіялъ попрежнему, и міръ еще разъ увидѣлъ что гдѣ „революція“ сво-

дится на злодѣйства противъ представителей строя, тамъ никакой революціи нѣтъ и не можетъ быть.

25.

Террористическое движеніе было выводомъ внутренне вполне логичнымъ, но, я уже раньше сказалъ, такимъ который сдѣлали *сами революціонеры*. Общество, хотя бы и наиболее передовое, его не дѣлало. Наиболее послѣдовательный либераль, эмигрантъ Драгомановъ, не стѣсняемый никакою цензурой, сразу отнесся къ терроризму весьма несочувственно. Сослаться на него я считаю вполне убѣдительнымъ, потому что Драгомановъ совершенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ нашихъ конституціоналистовъ, кромѣ большей опытности и лучшаго политическаго образованія. Говорилъ же онъ „свободно“, за границей, безъ цензуры, безъ страха.

Передовое общество стало отъ террористовъ особнякомъ. Но этого об-

соблєнія я томе не желаю преувеличивать.

Вопервыхъ, повторяю, терроризмъ былъ бы совершенно немислимъ, еслибъ основная подкладка русскаго „передоваго“ міросозерцанія не была анархична. Это міросозерцаніе совершенно расшатывало основанія *нравственности*, оно стигмало у чловѣка всякое прочное руководство въ опредѣленіи того что онъ можетъ себѣ позволять и чего не можетъ. Драгомановъ могъ сколько угодно упрекать террористовъ въ теоріи „исключительной нравственности“, но онъ не имѣлъ никакихъ способовъ доказать имъ что они не правы, потому что въ концѣ концовъ, отвращаясь отъ ихъ способовъ дѣйствія, могъ въ дѣйствительности руководиться лишь истинаго. Общіе идеалы „прогресса“, опредѣляемаго либералами, вели, хотя бы сами либералы этого искренне не сознавали, къ тому чего хотѣли революціонеры.

Устраненіе препятствій лежащихъ на пути этихъ идеаловъ роковымъ образомъ представлялось дѣломъ *нрав-*

стесненным. Эмигрантъ Лавровъ, котораго понятія о нравственномъ воспронзводятъ мнѣнія весьма значительной части „передоваго общества“, * тоже сначала былъ противъ „террора“, но въ концѣ концовъ принужденъ былъ сознаться что его „молодые друзья“ логичнѣе его, и самъ долженъ былъ построить силлогизмъ ихъ оправдывающій:

„Русскій прогрессистъ“, писалъ онъ въ 1885 году, „не можетъ колебаться въ выборѣ пути... Эта борьба не есть еще царство нравственныхъ началъ, но *неизбѣжное условіе* торжества царства ихъ... Ни одну ступень на этой дѣстницѣ (борьбы) нельзя миновать... Соціальная революція обѣщаетъ быть правою и жестокою, но *цѣль* ея есть цѣль нравственная и *должна* быть достигнута.“ Колебаться въ этомъ случаѣ значитъ „подвергать себя опасности поступить безнравственно, помѣшать

* Повторяю что свое ученіе о нравственности Лавровъ излагалъ въ легальной, цензурной литературѣ еще даже будучи „нашимъ почтеннымъ“, „нашимъ известнымъ“ и т. п.

торжеству царства нравственныхъ началъ". (В. Н. В., № 4, стр. 83).

Эта косвенная связь терроризма съ идеями нѣкоторой части „общества“ не могла не отразиться и чисто практическими послѣдствіями въ самомъ поведеніи этой части „общества“. Фактъ въ высшей степени плачевный, въ высшей степени постыдный и для нравственнаго чувства и для политическаго смысла общества, но фактъ, котораго нельзя и не слѣдуетъ забывать. Иначе—никогда не поумиѣешь. Фактъ былъ такого рода:

Въ минуту преступленій, положительно безпримѣрныхъ въ исторіи, безпримѣрныхъ потому что они совершались даже не *дѣйствительною* революціей, а самоозвательною, преступленій выразившихъ положительно безпримѣрную попытку узурпаціи, преступленій, въ сравненіи съ которыми неистовства террористовъ французской революціи представляютъ верхъ законности—въ такую минуту въ русскомъ обществѣ находятся хотя бы отдѣльныя личности оказывающія прямое пособниче-

ство убійцамъ. Я не буду цитировать политическихъ процессовъ, это установившихъ. Напомню одинъ фактъ, что ежемѣсячный бюджетъ „исполнительнаго комитета“ правильно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ колебался около 5.000 рублей ежемѣсячно. Конечно, не студенты давали „на дѣло“ эти 60.000 рублей въ годъ! Еще, быть-можетъ, постыдчѣе что находились люди сторонившіеся отъ прямой помощи, но относившіеся къ сообществу политическихъ убійствъ какъ къ воюющей *сторонѣ* и позволявшіе себѣ быть „нейтральными“. Наконецъ, третьи выбираютъ этотъ моментъ для конституціонной агитаци. Революціонеры дѣйствовали какъ тигры; эти господа избрали роль шакала. Революціонеры, какъ разбойники, пускали въ дѣло ножъ. Эти господа пытались воспользоваться разбойничьимъ ножомъ для того чтобы предлагать угрожаемому условія своей помощи. Въ нравственномъ отношеніи это неизменно совершенно непомятная, которая, съ одной стороны,

не могла не возбуждать глубокаго презрѣнія революціонеровъ, но съ другой—окончательно развращала ихъ. Террористу, если ему гдѣ-нибудь, въ подкопѣ или въ засадѣ, являлись еще какія-нибудь сомнѣнія,—стоило только вспомнить „адресы“ или инныя статьи „вѣрнопопданнхъ“ журналовъ чтобы стряхнуть съ себя все, всѣ упреки совѣсти или разсудка, и выпрямиться во весь ростъ.

„Воля Всевышняго совершилась“, читаемъ мы въ *Порядкѣ*, въ мартѣ 1881 года, „теперь остается только смириться предъ несокрушимою волей Провидѣнія и, не вступая съ ней въ тщетную борьбу, посвятить заботы чтобы положить прочное основаніе для будущаго... Государь, спросите вашу землю въ лицѣ излюбленныхъ людей.“ *Страна* (№ 27) толкуетъ объ „отвѣтственности за все чтѣ дѣлается на Руси, ошибки экономическія, мѣры реакцій, ссылки въ Восточную Сибирь“, обвиняетъ „руководителей реакціи“, и заключаетъ: „Надо чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями Русской

земли. А личность Русскаго Царя пусть служитъ впредь *только символомъ* нашего національнаго единства и т. д.“ *Голосъ* (№ 36) говорить что изъ всего происшедшаго „выяснилась необходимость въ устройствѣ общественной организаціи для служенія вмѣстѣ съ правительствомъ“, и что необходимо приступить въ „продолженію реформъ, призывавъ къ содѣйствію общественныя силы“.

Даже революціонная хроника, отмѣчающая всѣ эти выгоды для революціи черты разложенія, не могла не замѣтить что „земство, столь молчаливое обыкновенно, заговорило именно въ тотъ моментъ когда даже открытые враги Государя сочли возможнымъ излагать свои требованія лишь со всевозможными оговорками и указаніями на условія момента, не позволяющаго имъ поддаваться чувству естественной деликатности“ (В. Н. В. т. I, стр. 37).

Я не цитирую этихъ „земскихъ“ заявленій, которыми бы могъ наполнить нѣсколько страницъ. И хотя „земство“, въ смыслѣ не толькона селенія, но даже въ

смыслѣ своихъ „гласныхъ“ и „управъ“, виновато главнымъ образомъ своею безгласностію и безуправностію, благодаря которымъ политическіе шарлатаны могли подсовывать свои „адресы“ людямъ не понимающимъ что они творять, тѣмъ не менѣе это земство не должно забывать какимъ людямъ оно давало у себя мѣсто. Оно изъ этого могло бы понять какъ легко горсти людей было бы обольванивать его при какой-нибудь „конституціи“, и какая фальшивая, нелѣпая ениція есть „общественное мнѣніе“ понимаемое въ смыслѣ криковъ момента.

Поведеніе той горсти либеральныхъ политикановъ которые взяли на себя „выраженіе мнѣній передоваго общества“,— поведеніе это, которое я характеризую далеко не самыми рѣзкими фактами проносающимися теперь въ моемъ воспоминаніи,—это поведеніе могло лишь окончательно затемнить и нравственное, и политическое сознаніе революціонеровъ. Террористъ слышалъ что его ругали „крамольникомъ“, „преступникомъ“ и т. п. Но онъ изъ поведенія

„передовыхъ представителей общества“ заключалъ что это одни слова. Развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, поступаетъ безнравственно въ сравненіи съ ними? Развѣ онъ узурпаторъ въ сравненіи съ ними? Онъ убѣждался что онъ только человѣкъ первыхъ рядовъ и больше ничего, что онъ дѣлаетъ лишь то о чемъ другіе думаютъ. Никогда бы и терроръ не принялъ своихъ размѣровъ, никогда бы онъ не дошелъ до своего слѣпаго эзантизма, еслибы не было объективной причины иллюзій въ видѣ поведенія извѣстной части общества.

Еслибы общество понимало это, оно бы, конечно, не позволило своимъ „передовымъ“ такой болѣе чѣмъ двусмысленной роли. Оно бы не стало читать газету въ передовыхъ статьяхъ которой не проведены границы съ рѣчами революціонныхъ листовъ, оно бы не пустило въ общественное учрежденіе лицо сомнительное. Оно бы не допустило перепутыванья законнаго съ незаконнымъ, честнаго съ нечестнымъ, не допустило бы всей этой мутной воды и заставило бы *своихъ* и *чужихъ*

разбиться на два ясные, осязаемые слоя. И это его обязанность, столько же какъ и интересъ. Тогда сами революціонеры увидали бы что они такое, увидали бы неслыханные размѣры своей узурпаціи, поняли бы ея невозможность, и отступили бы.

Но ничего этого не было сдѣлано. Благодаря именно переходовой, крайней части либераловъ. Было, напротивъ, напущено столько тумана, сколько лишь позволяли обстоятельства. И если въ концѣ концовъ Россія все таки разобралась,—она это сдѣлала не только помимо, но даже вопреки тѣмъ кто себя смѣетъ называть „интеллигенціей“, „сознательною частью страны“ и т. п. пышными именами. Тѣ же кто дѣйствительно пожелали разсѣять туманъ—какъ М. Н. Катковъ и И. С. Аксаковъ—только лишній разъ ославлены этою „сознательною частью“ какъ „реакціонеры“.

26.

„Передовое“, „прогрессивное“ и пр. и пр. міросозерцаніе все сказалось за эти годы. Оно показало не только концы свои въ своихъ революціонерахъ, но и все соотношеніе силъ умѣренныхъ и крайнихъ. Эти крайніе логичны, какъ вездѣ, и фанатики, какъ нигдѣ. Еще будучи ничтожнымъ безсильемъ, они не останавливаются ни предъ какимъ насильственнымъ дѣйствіемъ, ни предъ какою узурпаціей, ни предъ какимъ преступленіемъ. Отъ нихъ не жди никакихъ уступокъ ни здравому смыслу, ни человѣческому чувству, ни исторіи. Это *русская* революція, движеніе по основѣ даже не политическое, не экономическое, вызываемое не потребностью, хотя бы фальшивою или раздутою въ нихъ-нибудь улучшеніяхъ дѣйствительной жизни. Это возмущеніе противъ дѣйствительной жизни во имя *абсолютнаго идеала*. Это алканіе ненасытимое, потому что оно хочетъ по существу невозможнаго, хочетъ его съ тѣхъ

поръ какъ потеряло Бога. Возвратив-
шись къ Богу, такой человѣкъ можетъ
стать подвижникомъ, до тѣхъ поръ—
онъ бѣсноватый. Это революціонеръ
изъ революціонеровъ. Успокоиться ему
нельзя, потому что если его идеалъ не-
возможенъ, то стало-быть ничего на
свѣтѣ нѣтъ изъ-за чего бы стоило жить.
Онъ скорѣе истребитъ все „зло“, то-
есть весь свѣтъ, все изобличающее его
химеру, чѣмъ уступить.

Въ дѣлахъ вѣры нѣтъ уступокъ, и
еслибы самъ дьяволъ захотѣлъ поймать
человѣка, онъ не сумѣлъ бы придумать
лучшаго фокуса, какъ направивъ вѣ-
ру въ эту безвыходную, бесплодную
область, гдѣ, начиная, повидному, съ
чистѣйшихъ намѣреній, человѣкъ неиз-
бѣжно кончаетъ преступленіемъ и поте-
рей самого нравственнаго чувства.

И рядомъ съ этимъ страстнымъ фа-
натикомъ, слѣпымъ и глухимъ на все
кромя своей *idée fixe*,—бѣдное либераль-
ное общество, слабѣйшее умственно
во всей Европѣ, наиболѣе подвержен-
ное потерѣ своихъ энергичнѣйшихъ лю-
дей въ пользу революціи, само легко

загорающееся тою же лихорадкой, само не имѣющее прочныхъ устоевъ ни для нравственности, ни для разума. Его вліяніе огромно для выработки революціо-неровъ, но ничтожно когда ихъ нужно сдержать. Тутъ бывшіе учителя сами попадаютъ на буксиръ ученикамъ.

Еслибы наши либералы хоть на минуту могли понять что сулитъ имъ такое положеніе, особенно при легкости съ какою ученики ихъ проносятъ слово „терроръ“, — они бы пришли въ ужасъ. Въ концѣ концовъ опасность, борьба, смерть, не страшны, когда лежишься костью за свой идеалъ. Но погибнуть отъ своего же идеала, слышать, какъ Руже де-Лиль, свою собственную „марсельезу“ которую орутъ люди развѣсивающіе его чтобы потащить на гильотину—это действительно страшно. Только либералы не захотятъ понять этого—потому же почему не захотятъ понять своей преступности революціонеры—потому что они тогда остаются безъ міросозерцанія, безъ философіи, безъ вѣры. Допустимъ что персепетива страшна или негѣна, но что

же дѣлать? Или это всего отказаться, отъ „разума“, „человѣческаго достоинства“, „свободы“, „правъ личности“ и пр. и пр.? Неужто же эти основы не вѣрны? Или возвратиться къ Демострою (натурально, отродясь не читанному)? Нѣтъ, немыслимо. Лучше стараться не дойти „до абсурда“. Ахъ, какъ трудно это, когда съ абсурда-то висино и начинаютъ!

Либералъ только и несчастъ какъ бы не додумать до конца. Революціонеръ все спасеніе ищетъ въ томъ чтобы дойти до самаго послѣдняго предѣла. Но судьба обонхъ одинакова—оба осуждены дойти до претворѣнія съ дѣйствительностью, откуда ихъ ничто не можетъ вытащить, кромѣ реакціи. А затѣмъ, отдохнувъ, позабывъ по возможности опытъ, опять начинаютъ старую исторію, а для утѣшенія себя въ этой толчѣй придумаютъ будто таковъ ужъ „законъ“ — миръ, будто бы, развивается „акціями“ и „реакціями“. Тамъ лампа да горитъ спокойно, безо всякихъ акцій и реакцій, пока есть масло, а какъ придетъ время потухать, тутъ и нач-

тса мельканія—акцій и реакцій. Фор-
ла предсмертной агоніи! И это „за-
нъ жизни“, законъ „развитія“!

Нѣтъ, не таковы законы жизни, но
то предметъ о которомъ бесполезно
голковать, пока люди не убѣдятся что
ихъ современный „прогрессивный“ иде-
аль съ начала до конца ложень, неосу-
ществимъ, не даетъ ничего что отъ не-
го ждуть и во имя чего приносятъ столь-
но жертвъ.

КОНЕЦЪ.

11

11
H
0

4853-23

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

Acme Bookbinding

Charlestown, Massachusetts

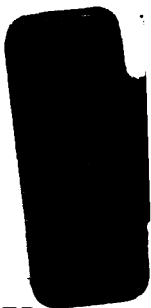
1994

3 2044 021 573 514

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

WIDENER
 FEB 19 1996
 WIDENER
 FEB 10 2001
 WIDENER
 BOOK DUE
 JAN 20 2001
 WIDENER
 CANCELLED 01
 JAN